

Федеральное агентство по образованию  
Уральский государственный университет им. А. М. Горького  
Филологический факультет  
Кафедра современного русского языка

XVI КУЗНЕЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Теоретическая семантика  
и системная лексикография:  
эволюция интерпретаций  
на рубеже веков**

Тезисы докладов и сообщений  
Всероссийской научной конференции,  
посвященной 80-летию Э. В. Кузнецовой  
8–9 ноября 2007 г.  
Екатеринбург, Россия

Екатеринбург  
Издательство Уральского университета  
2007

ББК Ш 141.12-32я43  
УДК 821.161.1.061.3  
Т 338

*Издание осуществлено  
при финансовой поддержке  
гранта РГНФ № 07-04-94549 з/я*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. *Л. Г. Бабенко* (отв. редактор),  
канд. филол. наук, доц. *Т. М. Воронина*,  
канд. филол. наук, асс. *М. В. Дудорова* (отв. секретарь),  
д-р филол. наук, проф. *Н. А. Дьячкова*,  
д-р филол. наук, проф. *Ю. В. Казарин*,  
д-р филол. наук, проф. *М. Л. Кусова*,  
канд. филол. наук, доц. *Ю. М. Мухин*,  
канд. филол. наук, доц. *А. М. Плотникова*

**Теоретическая семантика и системная лексикогра-**  
Т 338 **фия: эволюция интерпретаций на рубеже веков: Тез.**  
докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию  
Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Рос-  
сия / Под ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во  
Урал. ун-та, 2007. — 132 с. (XVI Кузнецовские чтения).

ISBN 978-5-7525-1793-1

В сборнике представлены тезисы лингвистов разных научных школ, объединенных интересом к проблемам лексической, грамматической и текстовой семантики. Вопросы семантической организации лексики и ее лексикографического описания, исследования функционирования языковых единиц в тексте всегда находились в центре внимания Эры Васильевны Кузнецовой.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка и общего языкознания, а также для аспирантов и студентов-филологов.

ББК Ш 141.12-32я43

ISBN 978-5-7525-1793-1

© Коллектив авторов, 2007  
© Издательство Уральского  
университета, 2007

## **ЭРА ВАСИЛЬЕВНА КУЗНЕЦОВА — ОСНОВАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Уральская семантическая школа, возглавляемая известным лингвистом профессором Л. Г. Бабенко, является сегодня одним из лидеров современной отечественной лексикологии и лексикографии. У истоков создания этого известного в стране и за рубежом направления стояла выдающийся ученый-русист Эра Васильевна Кузнецова, выпускница МГУ, ученица акад. В. В. Виноградова и проф. С. И. Ожегова.

Э. В. Кузнецова родилась 7 февраля 1927 г. в небольшом уральском городе Полевской в семье героя Гражданской войны Василия Николаевича Калугина, репрессированного в 1936 г. и погибшего в ссылке в 1937 г. Вся жизнь Э. В. Кузнецовой была подчинена науке. Первые ее работы, посвященные изучению системных отношений в лексике, появились в середине 60-х гг. прошлого века. Главная научная страсть Эры Васильевны — русский глагол. Основные теоретические работы, докторская диссертация Эры Васильевны, а также кандидатские диссертации ее учеников посвящены изучению уникальной семантики русского глагола и системной организации глагольной лексики в целом. Э. В. Кузнецова разработала методику идентификации словарных значений, позволившую авторскому коллективу под ее руководством осуществить семантическую классификацию русской глагольной лексики и оформить свою работу в виде учебного словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов».

Эра Васильевна была человеком исключительно честным, страстным и даже пристрастным. Главными жизненными категориями этой сильной, талантливой, энергичной и обаятельной женщины были работа, долг, честь и совесть. Одной из первых она выступила в защиту семантического словаря Ю. Н. Караулова, работая параллельно с коллективом учеников над первым словарем лексико-семантических групп русских глаголов.

28 апреля 1988 г. после тяжелой и продолжительной болезни Эра Васильевна Кузнецова умирает. Умирает трагически, в расцвете сил – жизненных, творческих и душевных. Именно после смерти Э. В. Кузнецовой многим казалось (и не без оснований), что идеографической работе на Урале пришел конец. В начале 90-х гг. одна из самых талантливых ее учениц – Людмила Григорьевна Бабенко, возрождая научные традиции кафедры современного русского языка, заложенные Э. В. Кузнецовой, создает научный коллектив единомышленников, коллег, учеников и возобновляет лексикологические исследования и лексикографическую работу на Урале. В рамках разрабатываемого научного направления, связанного с исследованием глагольной семантики, категоризацией глагольных классов слов, описанием глагольной лексики в пространственном измерении, лексикографической параметризацией полученных результатов, сформировался творческий коллектив преподавателей, аспирантов и студентов, известный в научных кругах как проблемная группа «Русский глагол».

В течение последнего десятилетия под руководством Л. Г. Бабенко коллектив кафедры современного русского языка занимался разработкой научных проектов: «Русская глагольная лексика в свете концепции языковой картины мира», «Новые типы словарей и их роль в сохранении и исследовании русского языка и русской культуры», «Семантические модели русских глагольных предложений», «Структура, семантика и прагматика художественного текста», «Репрезентация отношений тождества и противопоставления в языке».

Результаты исследования нашли отражение в коллективных публикациях возглавляемого Л. Г. Бабенко научного коллектива: серии монографий, в принципиально новых для лексикографии словарях, в нескольких изданиях учебника Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина «Лингвистический анализ художественного текста».

В свете поставленных проблем разрабатывались диссертационные исследования (защищено 6 докторских и 25 кандидатских диссертаций). Проведено 15 конференций «Кузнецовские чтения», в том числе международных: «Образ человека и человеческий фактор в языке» (2004), «Новая Россия: новое в языке и науке о языке» (2005), а также международная научная

школа для молодых ученых «Новые типы словарей и их роль в сохранении и формировании национальной культуры» (2000).

Исследования коллектива ученых под руководством Л. Г. Бабенко неоднократно поддерживались различными грантами (РФФИ, РГНФ, Министерство образования науки, Фонд Сороса), а научная деятельность отмечена многочисленными наградами. В настоящее время проблемная группа «Русский глагол» продолжает разрабатывать концепцию идеографического описания лексики на материале прилагательных: ученые обратились к созданию нового проекта — Толкового идеографического словаря русских прилагательных.

Коллектив лексикографов уральской семантической школы является участником программы по изучению и продвижению русского языка «Словари XXI века», проект которой разработан Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и издательским холдингом «АСТ-Пресс».

В конференции «Теоретическая семантика и системная лексикография», посвященной 80-летию Э. В. Кузнецовой, примут участие прямые ученики Эры Васильевны, ученики ее учеников, ученые, знающие ее лично и высоко ценящие ее научные исследования в области глагольной семантики и идеографии, — люди, связанные преемственностью знаний и памятью о прекрасном Человеке и Учителе.

### **Основные коллективные публикации, подготовленные проблемной группой «Русский глагол»:**

Лексико-семантические группы русских глаголов (коллективная монография) / Под общ. ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1988.

Лексико-семантические группы русских глаголов. Словарь-справочник. Научный редактор Э. В. Кузнецова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1997. 518 с.

Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 400 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко М.: АСТ-Пресс, 1999. 694 с.

Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта-Наука, 2002. 462 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с. (Фундаментальные словари)

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко М.: АСТ-Пресс, 2007.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА (в печати)

Большой толковый словарь русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА (в печати).

*Редакционная коллегия*

# ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Л. Г. Бабенко

*г. Екатеринбург*

## УРАЛЬСКАЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В русской лексикографии лишь в последние десятилетия XX в. началось активное развитие концепции идеографических словарей и их внедрение в лексикографическую практику. Многие сделали для развития русской идеографической лексикографии как в теоретическом, так и в практическом аспектах Ю. Н. Караулов (1976, 1981, 1982), В. В. Морковкин (1970, 1984, 1985), О. С. Баранов (1990, 1995). На Урале в 70-е гг. эту лексикографическую идею активно поддерживала и развивала профессор Э. В. Кузнецова.

В первых публикациях подобных словарей обнаруживаются разные научные подходы к описанию и выявлению системной организации лексики и ее лексикографической параметризации. Это нашло отражение и в различных обозначениях этих словарей: семантические словари, понятийные словари, тематические словари, ассоциативные словари, словари-тезаурусы и пр.

Доминировала практика семантической классификации лексики на логико-понятийной основе, когда поиск шел в направлении от общего понятия, формирующего семантические группы слов, — к выявлению и описанию состава этих групп. В уральской семантической школе, создателем которой является Э. В. Кузнецова, существует иная традиция определения состава лексико-семантических множеств разного ранга. Она основана на противоположной логике исследования словарного состава: от анализа лексической семантики — к выявлению общих понятий и базовых категорий, репрезентируемых различ-

ными семантическими группами слов. В 70-е гг. прошлого века именно этой проблеме — разработке методики ступенчатой идентификации лексических значений глаголов, служащей выявлению базовых идентификаторов, на основе которых формируются лексико-семантические группы слов, — уделяла большое внимание Э. В. Кузнецова. Ею была предложена методика ступенчатой идентификации, которая послужила основанием выделения лексико-семантических групп русских глаголов, представленных в виде списков глаголов, взятых в своих основных значениях, в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы глаголов» (Свердловск, 1999), созданном под руководством Э. В. Кузнецовой.

В настоящее время наблюдается новый этап развития идеографической лексикографии, обусловленный потребностью создания толковых словарей на понятийной основе, о чем в свое время писал еще Л. В. Щерба. Сегодня лексикографической реальностью стало создание комплексных толково-идеографических словарей, основу которых, с одной стороны, составляет синонимический идеографический классификации лексики, представляющий собой макроструктуру словаря. С другой стороны, слова в составе групп не просто подаются списками, они являются заголовочными единицами в структуре словарной статьи (микроструктуре словаря) и в соответствии с традициями толковых словарей сопровождаются дефинициями, иллюстративным материалом. Таким образом, идея толкового словаря, созданного на понятийной основе, сейчас воплощается в реальных лексикографических проектах. Почти одновременно над разработкой подобных проектов с конца 80-х гг. стали работать два научных коллектива — коллектив авторов-составителей под руководством Н. Ю. Шведовой и коллектив проблемной группы «Русский глагол», результатом деятельности которых стали публикации в конце 90-х гг. первых подобных словарей: Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений (1998. Т. 1; 2002. Т. 2); Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы (1999; 2-е изд. 2007); Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы (2005).

Авторский коллектив проблемной группы «Русский глагол»



продолжал и продолжает заниматься развитием идей идеографической лексикографии в теоретическом и практическом аспектах. Последовательно расширяется материал исследования: после глаголов в идеографическом аспекте были рассмотрены русские существительные, прилагательные и синонимы. Основное внимание при этом уделяется разработке общей концепции толковых идеографических словарей различных по лексико-грамматической природе семантических классов слов, их макроструктуре, способам толкования типовой семантики групп слов, моделированию структуры дефиниции и другим вопросам. При этом одним из важнейших оставался вопрос выявления базовых идентификаторов для лексических множеств разной лексико-грамматической природы.

Специфика лексической и грамматической семантики слов разных частей речи заставила нас модифицировать общую схему лексической идентификации с целью выявления семантически тождественных компонентов и близких по семантике слов.

Самый благодатный класс слов в плане идентификации — глаголы. Лексическая семантика глаголов иерархически структурирована: суперклассификаторы ('состояние', 'отношение', 'деятельность' и др.) уточняются категориально-лексическими семами ('говoreние', 'мышление', 'движение' и др.), которые, в свою очередь, конкретизируются дифференциальными семами. Подобная структурированность семантики глаголов отражается и в иерархичности системной организации глаголов, вершину которой занимают семантические поля (глаголы действия, бытия, отношения, состояния и т. п.), внутри которых выделяются семантические классы, группы и подгруппы. Эта особенность лексической семантики глаголов позволила при их семантической классификации в качестве основного использовать метод идентификации слов (см. ТИСРГ). В значении существительных не всегда в явном виде репрезентирована категориальная семантика. Чаще всего только совокупность семантических признаков является основанием их семантической категоризации. Специфика существительных потребовала при их систематизации дополнительно к идентификации привлекать денотативный фактор, фактор ситуации, так как существительные, обозначая участников одного фрагмента действительности, на этом основании объединяются в денотативно-идеографические группы слов.

Этим объясняется и само название лексических множеств существительных: денотативно-идеографические сферы, группы, подгруппы. Прилагательные в силу богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленности их лексической семантики — самый сложный в этом отношении класс слов. Не случайно до сих пор нет опыта их глобального идеографического описания (имеющиеся классификации в основном касаются только качественных прилагательных).

Прилагательные, с одной стороны, семантически подобны глаголам, с другой стороны, обозначая свойства и признаки предметов в широком смысле, тесно связаны семантически с существительными. Сходство с глаголами обнаруживается в иерархичности семной структуры прилагательных, вершину иерархии которых также занимают семантические суперклассификаторы, отображающие основные суперкатегории: бытийность, отношение, проявление, воздействие и пр. Сходство с именами существительными обнаруживается в референтной отнесенности и дискурсивной обусловленности семантики прилагательных. Возьмем, к примеру, прилагательное *глазной*. В словаре в одной словарной статье как оттенки подаются два значения этого слова. Первое по лексикографической традиции семантизации относительных прилагательных имеет отсылочный характер: 'к Глаз (1 зн.). *Г. нерв. Г. болезни*'. Второе значение формулируется следующим образом: 'Относящийся к болезням глаза и их лечению. *Г. врач. Г-ая клиника. Г-ые капли. Г-ая операция*'. Как видим, оба значения имеют общий суперклассификатор — «Отношение», что позволяет их отнести к одному семантическому классу слов. С другой стороны, их референтная отнесенность и обусловленная ею сочетаемость различны: первое значение связано с обозначением органа восприятия живого существа — органа зрения, второе значение — с медициной. Вследствие этого именно денотативно-референциальный фактор и дискурсивные особенности значения оказываются существенными при идентификации данного прилагательного, которое включается в разные денотативно-идеографические группы. В первом значении оно включается в группу 3.2. 2.2. 1.2. «Часть головы живого существа, а также часть того, что на ней расположено»: *височный, глазничный, глазной, затылочный, губной* и т. п. Во втором значении оно включается в группу 11. 15. 13.2. «Медицинский работ-

ник»: акушерский, анестезиологический, ветеринарный, врачебный, гипнотизерский, глазной, дантистский и т. п.

Таким образом, следует подчеркнуть объективную трудность категоризации прилагательных, обусловленную уникальностью семантики этого класса слов. В качестве идентификаторов прилагательных нами были предложены аналитические сочетания, включающие обычно два компонента: идентификатор первой степени — слово с более обобщенным значением, обычно репрезентант суперклассификаторов: *имеющийся, обладающий, относящийся, выражающий* и т. п.; идентификатор второй степени — слово с более конкретным значением, репрезентант референциальной и дискурсивной составляющих семантики прилагательных. Например, суперклассификатор **дающий** уточняется следующим образом: дающий, приносящий результат; дающий / не дающий много чего-либо (хлеба, урожая и т. п.); дающий возможность что-л. экономить; дающий жизнь; дающий какие-л. знания, образования; дающий какую-л. производительность.

Наш опыт идеографического описания лексических множеств разной семантико-грамматической природы (глаголов, существительных, прилагательных и синонимов), осуществленный авторами-составителями проблемной группы «Русский глагол», позволяет наметить дальнейшие перспективы идеографической лексикографии и определить круг теоретических проблем. Во-первых, становится возможной подготовка полного словаря-тезауруса, на основе которого можно реконструировать языковую картину мира и выявить репрезентированную в языке типологию категорий в их иерархии. Во-вторых, можно выявить общее и специфическое в словарном (лексикографическом) представлении различных семантических категорий, их место и роль в семантическом пространстве языка, в отображении частных фрагментов мира (процессуально-событийного, предметного и пр.). В-третьих, можно ставить задачу обнаружения в полном объеме парадигмы базовых категорий, представляющих собой концептосферу русского языка, отображающую знания русского человека о мире.

## СЕМАНТИКА СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В синтаксической теории, развивавшейся на основе имманентно-структурной парадигмы лингвистического знания, сочинительные конструкции не раз становились своеобразным камнем преткновения, помехой, исключавшей непротиворечивую реализацию априорно заданных теоретических принципов и в конечном итоге взрывавшей изнутри создаваемые на их основе теоретические построения.

Бессоюзная связь компонентов сочинительных конструкций в современном русском языке предстает как выражение некоего как бы неструктурированного потока сознания, потока образов, когда говорящему еще не вполне ясен тот смысл, который он хочет выразить. Если использовать термин, введенный Ж. Пиаже, то можно сказать, что при бессоюзии чувство связи остается эгоцентрическим, т. е. несообщаемым и как бы неосознаваемым. Для многих бессоюзных сочинительных конструкций современного русского языка такая характеристика справедлива. Так, в предложении *Ей тогда было некогда, обуревали какие-то важные замыслы, помыслы, промыслы, конкурсы, выставки, молодые дарования (В. Токарева)* многокомпонентная бессоюзная сочинительная конструкция, синтаксически и коммуникативно открытая по своей структуре, действительно отражает процесс формирования семантического множества. Введение компонентов одного за другим основано здесь на рекурсивной ассоциации: первые три компонента имеют общую корневую морфему *-мысл-*, а их ассоциативная связь с остальными сочиненными компонентами и ассоциативные связи тех компонентов между собой обусловлены знаниями адресанта о мире и, главное, авторским потоком сознания, обращенным к оставленному в дальнем предтексте и поэтому, возможно, подзабытому читателем фрагменту биографии персонажа. Вставка союза «и» перед последним компонентом здесь невозможна, так как союз «и» требует обычно от говорящего четкого понимания того, на каком когнитивном основании сочиненными компонентами сформировано некое множество.

Эгоцентрическая мысль, базирующаяся, как установил Ж. Пиаже, на принципе аналогической схематизации, может объединять в репрезентированном бессоюзной сочинительной связью кванте потока сознания и такие компоненты, которые обозначают элементы семантических квазимножеств, т. е. множеств, формируемых адресантом по случаю, потому, что он спонтанно обнаруживает между некоторыми актуализированными в его сознании элементами отношений аналогии. Эгоцентризм аналогических совмещений притупляется тогда, когда множество, сформированное адресантом, отражает узуальность объединения нескольких элементов в обыденном сознании. В таком случае бессоюзие менее предпочтительно; наоборот, замыкающий сочинительный ряд союз «и», подчеркивая вхождение перечисленных элементов в закрытое семантическое множество, четче выделяет их разнородность и эксплицирует тем самым намеренность их объединения в целостный сочинительный семантический знак. Например: *Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт* (А. Чехов). Схемы аналогии организуют в бессоюзные конструкции и такие компоненты, которые с лексико-семантической точки зрения представляют собой стилистические синонимы, члены гиперо-гипонимических рядов и т. п., т. е. компоненты, обозначающие взаимодополняющие понятия. Например: *Никто почему-то не ахнул, не удивился* (В. Тендряков). По этой причине собственно бессоюзные сочинительные конструкции становятся одним из наиболее характерных средств выражения пояснения, предполагающего момент тождества сочетаемых компонентов. При этом пояснительная конструкция может порождаться спонтанно, как следствие недостаточной обдуманности высказывания — для того, чтобы скорректировать не совсем удачный, первый, вариант номинации референта, т. е. пояснение также способно манифестировать в тексте движение эгоцентрической мысли.

Прагмасинтаксический тип несоотносительных с союзными бессоюзных сочинительных конструкций современного русского языка отражает их использование при формировании семантического множества и квазимножества в речевых экспликациях потока сознания — эгоцентрической мысли; при этом адресант, вводя сочиненные компоненты один за другим, как от-

дельные синтагмы, основывается на глубинных аналогических схемах, которые либо существуют в его сознании как результат психической деятельности, как обобщение индивидуального жизненного опыта и получаемых из разных источников знаний о мире, либо рождаются в акте речетворчества; использование подобных бессюжных сочинительных конструкций может быть вызвано также нежеланием или неготовностью адресанта выразить вполне определенное смысловое отношение.

© С. М. Белякова

г. Тюмень

### РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ

Значение словарей, в том числе диалектных, для фиксации и сбережения русского слова и традиционной культуры, переоценить трудно. Как известно, один из типов словарей называется *тезаурус*, что означает «сокровищница». Однако сокровищницей является любой словарь, при этом даже неважно, составлен ли он специалистом-лексикографом или просто любителем народного слова. Как пишет представитель знаменитой томской диалектологической школы Г. В. Калиткина, «областные словари — самый доступный на сегодняшний день источник диалектной лингвокультурологии, сохраняющий аутентичность взгляда носителей культуры, свободный от инокультурного восприятия и каких-либо инокультурных трактовок» [1, 17].

Русская диалектная лексикография по праву может гордиться своими достижениями. Целый ряд лексикографических школ (томская, пермская, уральская и др.) создали региональные словари самых разных типов: от словарей идиолекта до идеографических и мотивационных, а также выработали (теоретически и эмпирически) принципы их составления.

Тем не менее при практической реализации этих принципов у диалектолога-лексикографа возникают определенные затруднения. Основной проблемой остается проблема семантизации диалектных слов, которая частично является общей для всех

лексикографов и в первую очередь — для составителей переводных словарей. При этом диалектолог лишен возможности опереться на уже имеющиеся словари, а также на собственное языковое чутье. Близость русского литературного языка и говоров не облегчает, а затрудняет задачи исследователя, так как сходство двух лексем (литературной и диалектной) легко принять за тождественность. Дополнительные трудности создает семантическая диффузия слова, гиперонимичность, особенно ярко проявляющаяся в просторечии и народных говорах. И. А. Подюков объясняет это явление преимущественно чувственной, а не рациональной реакцией на окружающий мир «естественного» человека [2]. Возможно, это также связано с синкретизмом его восприятия и мышления (и моделирования картины мира в целом). В силу этого непростой задачей становится разграничение омонимов и многозначных слов, определение семантических оттенков и иерархии значений при полисемии.

Из всех типов диалектных различий, которые отражаются в региональных словарях, наибольшие затруднения вызывают и, следовательно, наибольшего внимания заслуживают этнографические и семантические различия.

Большое значение имеет также система помет, особенно грамматических и стилистических. Так, некоторые грамматические пометы (например, указание на общий род имени существительного) могут выступать средством уточнения толкования значения. Стилистические пометы, характеризующие слово с точки зрения сферы его употребления или эмоционально-экспрессивной окраски, позволяют воссоздать своеобразный «портрет слова», зачастую весьма специфический в условиях диалектной коммуникации. Так, например, имена существительные с суффиксами субъективной модальности становятся в народной речи носителями эстетической функции.

Чрезвычайно важным является также отбор иллюстративного материала, который может нести дополнительную информацию не только культурно-этнографического характера (в этих целях допустимо привлечение пословиц и поговорок, зафиксированных в диалектной речи), но и собственно языковую. Такие контексты могут быть использованы в качестве источника при исследовании функционирования определенных грамматических форм в диалектной речи.

Диалектные словари, будучи неотъемлемой частью русского лексикографического корпуса, остаются весьма специфической его областью, что обусловлено в первую очередь особенностями той социальной и территориальной среды, которую они отражают.

### Примечания

1. *Калиткина Г. В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (Статья 2) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 17–23.

2. *Подюков И. А.* Семантика вероятностного типа фразеологии народно-разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1992. С. 41–49.

**Н. С. Болотнова**

*г. Томск*

### О СВЯЗИ ТЕОРИИ РЕГУЛЯТИВНОСТИ ТЕКСТА И ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Особую значимость для современной семантики и лингвистики в целом имеет разработка коммуникативной теории текста, включая коммуникативную стилистику, которая изучает индивидуальный стиль языковой личности, проявляющей себя в текстовой деятельности. Одно из направлений коммуникативной стилистики текста связано с теорией регулятивности, которая сформировалась в 90-е гг. на основе теории речевой деятельности и связи с прагматикой и психолингвистикой [1, 2, 3].

Регулятивность вслед за Е. В. Сидоровым [4] трактуется как системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятельностью читателя. В рамках макроструктуры текста, выполняющего среди других функций и *регулятивную*, выделяются *способы регулятивности*, т. е. принципы организации различных текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия речевого произведения адресатом на основе соотнесенности с общей целевой программой текста и спецификой канала связи. Поскольку «за каждым высказыванием стоит волевая задача» (Л. С. Выготский), которая соответствует одному из этапов текстового развертывания, в основу дифференциации *регулятивных структур (регулятивов)* в



теории регулятивности положено осознание читателем мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии автора. На уровне элементов текста на основе их способности выполнять регулятивную функцию выделяются различные виды *регулятивных средств*. По объему, структуре, значимости и смыслу они могут быть нетождественными единицам узуса, так как являются порождением конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировидение, интенцию творца. С помощью регулятивных средств выполняются различные психологические операции в процессе интерпретационной деятельности читателя. Регулятивные средства являются сигналами, которые стимулируют психологические импульсы, вызывающие «лирические эмоции» и актуализирующие определенные кванты знания в сознании адресата. Выбор автором регулятивных средств и способов регулятивности обусловлен *регулятивной стратегией текста*, которая определяет эффективность творческого диалога автора и адресата. Формирующиеся на основе регулятивных средств *регулятивные структуры* позволяют свернуть полученную информацию в модели сознания (фреймы). Их связь в процессе текстового развертывания на основе характерного для него *способа регулятивности*, мобилизации информационного тезауруса читателя и осознания им коммуникативной стратегии автора формирует *смысловой и прагматический эффект* текста.

Что объединяет *теорию регулятивности* с разрабатываемой И. А. Стерниным *теорией речевого воздействия* как наукой «о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [5]? Во-первых, обе теории ориентированы на междисциплинарность, имеют интегральный характер, хотя теория речевого воздействия не опирается на теорию текста и функциональную стилистику, которые значимы для теории регулятивности. Во-вторых, данные теории объединяет ориентация на эффективность речевого общения, которое, однако, понимается по-разному: в теории регулятивности эффективное общение — это гармоничное сотворчество автора и адресата, эмоциональное и интеллектуальное; в теории речевого воздействия — это достижение деловых целей [6]. Возможно,

это связано с тем, что в интегральную науку о речевом воздействии автор включает только *риторику* как науку об эффективной публичной речи, *деловое общение и рекламу*. Теория же регулятивности носит более универсальный характер, распространяясь на разные виды текстовой деятельности в разных сферах общения с учетом не только стилистического узуса, но и определенных текстовых параметров, на которые ориентирован каждый конкретный диалог автора и адресата, осуществляемый на основе текста. В связи с этим перечень необходимых для достижения целей значительно расширяется, включая такие, как: эмоциональная, экспрессивная, эстетическая, гедонистическая, воспитательная и т. д.

Различие, таким образом, обусловлено тем, что, во-первых, у данных теорий разный спектр действия (сфера применения) — более широкая у теории регулятивности. Во-вторых, у них разная теоретическая база: теория регулятивности опирается прежде всего на современную теорию текста, теория речевого воздействия — на риторику, имеет логическую и психологическую основу. Различен и понятийно-терминологический аппарат: в теории речевого воздействия выделяются *способы речевого воздействия*, к которым И. А. Стерниным отнесены: *доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, принуждение* [7]. С точки зрения теории коммуникации это, скорее, речевые тактики. В теории регулятивности коррелирующий со способом речевого воздействия *способ регулятивности* трактуется несколько иначе и соотносится с *типами выдвижения* в тексте как форме коммуникации. Среди способов речевого воздействия И. А. Стернин выделяет *вербальные / невербальные* (сравним соотнесительное с этим выделение в теории регулятивности *лингвистических и экстралингвистических регулятивных средств* (последние трактуются иначе с учетом особенностей текста)).

Теория речевого воздействия, разрабатываемая И. А. Стерниным, включает ряд понятий, взятых из теории речевой коммуникации: *коммуникативная позиция говорящего, социальная роль, нормативные правила речевого общения* (правила речевого этикета) и *правила речевого воздействия* («характеризуют способы эффективного воздействия на собеседника в различных коммуникативных ситуациях» [8]; *прием общения* («конкретная рекомендация по языковому или поведенческому выполнению

того или иного коммуникативного правила») [Там же]; *законы* (например, *закон зеркального развития общения*, *закон доверия к простым словам* и т. д.). Ключевые понятия теории речевого воздействия частично пересекаются с *факторами текстообразования*, разработанными в теории текста, а также с *условиями гармонизации речевого общения* и с выделенными в коммуникативной стилистике текста для эстетической сферы общения *коммуникативными универсалиями* [9]. Вместе с тем в теорию речевого воздействия не включены такие значимые для речевого воздействия параметры, как *жанр* и *стиль*, играющие ключевую роль в регулятивности текста.

Таким образом, теория регулятивности и теория речевого воздействия имеют общность и различие. Для формирующейся *теории речевого воздействия* значима *теория регулятивности* текста. Это связано с тем, что речевое общение в целом и речевое воздействие в частности осуществляются на основе текстовой деятельности, на которую ориентирована теория регулятивности.

### Примечания

1. *Болотнова Н. С.* О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*, 1998. Opole, 1998. Вып. 7. С. 179–189.

2. *Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др.* Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. 331 с.

3. *Болотнова Н. С.* Регулятивность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 328–331.

4. *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987. С. 44–45.

5. *Стернин И. А.* Речевое воздействие как наука. 2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: // [http://www.comch.ru/~rpr/sternin/articles\\_rus.html](http://www.comch.ru/~rpr/sternin/articles_rus.html). С. 6.

6. Там же. С. 3.

7. Там же. С. 6.

8. Там же. С. 9.

9. *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. С. 49–54; *Она же.* Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста. СПб., 1992. 56 с.; *Она же.* Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // *Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки.* 1992. № 4. С. 75–87.

## ВЗРОСЛЫЙ В ДИАЛОГЕ С РЕБЕНКОМ: СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Речевое развитие в онтогенезе подвержено самым разным факторам «влияния», к числу которых, бесспорно, относится общение ребенка со значимыми другими (прежде всего — со взрослыми). Необходимым условием конструктивности такого диалога является гармонизация (нейтрализация, устранение) когнитивного «диссонанса» и различий в речевой компетенции коммуникантов. Это определяет актуальность обращения к вопросу о типологии коммуникативных стратегий, которые соответствуют принципу «сотрудничества» [1], отвечающего «ожиданиям» партнеров по коммуникации (в частности познавательному интересу и языковой рефлексии ребенка, проявляемым им в разных ситуациях речевого взаимодействия со взрослыми). На основании данных, зафиксированных в словарях детской речи [2, 3], представляется возможным выделить следующие стратегии конструктивного диалога «взрослый — ребенок»:

- **стратегия выяснения**, обусловленная стремлением взрослого понять субъективный смысл детского высказывания. Вопросы, адресованные ребенку, служат своеобразным «катализатором», побуждающим его к рефлексии над содержанием и формой собственной речи;
- **стратегия «подключения»**, проявляющаяся в том, что взрослый пытается встать на позицию ребенка, «подстроиться» к логике его речевых ходов и создать ему комфортные условия для самовыражения. Как правило, в рамках этой стратегии речевая «свобода» ребенка не ограничивается; нередко взрослый присоединяется к ребенку, дублируя «неправильные» формы его речи (при этом детские инновации такого рода часто становятся постоянными элементами общения с ребенком и закрепляются как единицы семейного жаргона). Лояльное отношение к детскому языку сопровождается, как правило, и поддержкой словотворчества ребенка, положительным его эмоциональным подкреплением со стороны взрослого и использованием «общего» с ребенком кода общения;

• **стратегия «оппонирования»**, при которой взрослый отмечает в речи ребенка неверно истолкованные им слова или выражения, выдвигая «аргументы» против такого понимания; тактичное «оппонирование» подкрепляет когнитивную базу и развивает гибкость речевого мышления ребенка, позволяя ему увидеть языковой факт в новом ракурсе; стратегия оппонирования нередко сочетается со **стратегией «коррекции»**, осуществляемой в оценке «аномальных» элементов детских высказывания с позиций языковой нормы. Продуктивность такой стратегии должна оцениваться с учетом возраста ребенка и той тонкой грани, которая отделяет ошибку ребенка от словотворчества, выражающего специфическую детскую ментальность (ценностные ориентиры детского сознания и тот «языковой образ мира», воздействие которого ощущает на себе ребенок);

• **стратегия объяснения**, на основе которой взрослый как сильный коммуникативный партнер способствует более точному и полному пониманию ребенком содержания языковых единиц (путем толкования, объяснения их смысла, в том числе контекстуального). Эта стратегия нередко сопровождает (подкрепляет) стратегию оппонирования, выяснения и коррекции речи ребенка;

• **стратегия игры** может проявляться в самых разных видах коммуникативного партнерства, но обязательно требует от участников диалога способности к использованию условного языкового кода и способности к его «прочтению» (разгадыванию). Данная стратегия стимулирует проявление лингвистической креативности ребенка в наиболее естественной для него форме игровой деятельности.

Перечисленные стратегии не исчерпывают всех видов конструктивного диалога, однако позволяют акцентировать важность паритетного (партнерского) начала в общении взрослого с ребенком.

### Примечания

1. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
2. 500 золотых приколов (от двух до пяти) / Сост. В. Коняхин. М., 2001.
3. *Харченко В. К.* Словарь детской речи. Белгород, 1994.

## МОДАЛЬНОЕ ПОЛЕ ЛИТЕРАТУРНО-ЖАРГОНИЗИРУЮЩЕГО ТИПА РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ: АНТИАФОРИЗМЫ

Афоризм — это лаконичное, обычно выразительное, а потому легко запоминающееся изречение, содержащее обобщающее умозаключение, как правило, нравоучительного характера. См.: *От равнодушия недалеко до порока* (А. Островский); *Снисхождение к злу очень граничит с равнодушием к добру* (Лесков) [1].

Антиафоризм — это травестия: используется только форма данного жанра. Травестии сродни пародиям и, как и последние, являются средством создания комического. Согласно классификации В. Я. Проппа, смех может быть добрым, благодушным, а может быть злым и циничным [2]. Для антиафоризмов характерна модальность цинизма: *Супружескую верность лучше всего хранить дома* (Б. К.) [3]; *У нас свобода совести: хочешь — имей совесть, хочешь — не имей* (СОА) [4]. Эту интонацию, которая характерна для литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры [5], ученые называют ерничаньем, «пофигизмом», стебом [6]. Антиафоризмы представляют собой «новый взгляд» на «старые истины». См.: *Если очень долго поступать по-свински, то в конце концов можно устроиться по-человечески* (СОА). Подобно тому, как афоризмы и пословицы (традиционные паремии) позволяют судить о ценностных ориентирах народа на протяжении его истории, антиафоризмы позволяют понять, на что ориентирован человек сегодня. В антиафоризмах мы наблюдаем антропологический скептицизм [7]. См.: *Человек состоит в основном из воды, которая все грязней* (Г. М.); *Человек человеку Брут и брат* (Г. М.) [8]. Сомнению подвергается сама возможность жить в современном обществе по законам нравственности: *Нравственность побеждает, как правило, на тренировках* (СОА); *Одну правду о себе говорят только попугаи* (СОА). Постмодернизация мышления, которая произошла в обществе после крушения тоталитаризма [9], в полной мере проявляет себя в антиафоризмах. Характерной особенностью постмодернизма, по мнению ученых, является то, что в нем образ, создаваемый художником, навязывает реальности свою аморальную логику [10].

О разрушительной силе подобного «безрангового», т. е. безрелигиозного мировоззрения, отрицающего иерархию ценностей, говорил в свое время философ И. А. Ильин [11]. Коварство «нового взгляда» на вещи состоит в том, что он претендует на объективность. См.: *Чем шире семейный круг, тем больше любовных треугольников в него вписывается* (Б. К.). В антиафоризмах дерзко высмеивается все, что связано с верой в Бога, церковь; в них отражено скептическое отношение к благочестивым людям: *Бога нет, зато святош сколько угодно* (СОА); *Миф о непорочном зачатии рожден импотентами* (Б. К.). Любой текст влияет на мировоззрение человека. Особенно сильно влияние текста, облеченного в лаконичную, выразительную форму. За простым рекламным текстом (*Ведь вы этого достойны!*), слоганом (*Бери от жизни все!*), афоризмом (*В чужой монастырь со своей монашкой не ходят.* — Г. М.) скрывается своя философия, которая незаметно формирует мировоззрение читателя. Модальное поле ерничанья и стеба, которое сформировалось в конце XX в. в рамках литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры, покрывает собой все новые и новые области массовой коммуникации. Рассуждая об истоках циничного, пошлого взгляда на мир, И. А. Ильин усматривает их в «слепой, самодовольной и легкомысленной иронии», в «рассудочной насмешке», которая выдает себя за «высшую зречность» [12].

## Примечания

1. Афоризмы с полным указанием имени автора извлечены из: *Королькова А. В. Словарь афоризмов русских писателей.* М., 2004.
2. *Протт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 2006. С. 71.
3. Б. К. — *Крутиер Б. Ю.* Крутые мысли: Афоризмы для умных и очень умных. М., 2005.
4. СОА — Современная отечественная афористика. М., 2002.
5. Термин *литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры* принадлежит О. Б. Сиротининой. См.: *Сиротинина О. Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003.
6. См. об этом: *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2002. С. 64; *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы в современной живой русской речи // Они же. Антипословицы русского народа. СПб., 2006. С. 4.
7. Термин И. С. Скоропановой. См.: *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2002. С. 176.

8. Г. М. — Малкин. Г. Е. Не падай духом где попало!: Афоризмы для умных людей. М., 2007.

9. См. об этом: Скоропанова И. С. Указ. соч. С. 176.

10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/ baud/zlo.html>

11. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2004. С. 37–38.

12. Там же. С. 46–47.

© О. С. Иссерс

г. Омск

## ПРОБЛЕМА НЕДИСКРЕТНОСТИ МИРА И ДИСКРЕТНОСТИ ИМЕН В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Базовое свойство языка заключается в том, что для обозначения нашего неделимого опыта мы используем дискретные единицы — комбинации слов. Так, в словосочетании *веселый парень* мы имеем не 2 объекта действительности, а один. Язык так устроен, что высказывания создаются из элементов, как дом из кирпичей, но эти элементы — результат нашей абстракции процессов, неделимых в жизни.

«Элементный характер» слов проявляется, в частности, в том, что мы обозначаем процессы как «вещи». Например, о мышлении мы говорим: *у меня есть несколько мыслей* — или метафорически: *это пища для ума*. Известно, что болезнь — это состояние, но для примитивных людей и часто для современного человека это нечто, что «входит в тело и может быть удалено из него». Именно поэтому на больных воздействуют целители, филиппинские хилеры, увлекающие «источник болезни» из тела больного. Ср. выражения *душа покинула тело, жизнь ушла из него, он потерял голову* — это все вариации на тему элементаризма. Для кого-то это привычные метафоры, но для кого-то — способ освоения реальной жизни. Последнее переводит проблему в иной ракурс, связанный с вариативной интерпретацией действительности и речевым воздействием на адресата.

В языке отражается наш неделимый опыт, «многомерный мир смыслов». Говорящему необходимо «упаковать» это знание в речевой последовательности, которая по определению является линейной, упорядоченной по временной оси. Из этого следует, что



говорящий всегда добавляет нечто от себя в процессе вербализации, по-своему члени недискретный «исходный материал» [1].

Так, например, жизнь воспринимается нами как неделимый процесс, завершающийся смертью: *Живем только раз, зато до конца* (Г. Малкин). И в обычном, нейтральном употреблении существительные типа *жизнь*, казалось бы, не могут служить единицей измерения времени. Однако мы можем услышать: *В своей первой жизни он был инженером*. Или прочитать в романе Саши Соколова: *И граммофон наяривал за речкой, и пахло репами, как жизнь тому назад*. Если бы вместо *жизнь тому назад* автор употребил выражение *двадцать (30, 40...) лет тому назад*, эффект воздействия на читателя был бы не тот [2].

«Вольное» обращение с единицами измерения (чаще всего — времени и пространства) нередко используется для более ярко-го, запоминающегося выражения мысли:

*Он не узнавал Катюку. Она была старше, чем вчера, — и не на какую-то ночь, а на долгое путешествие, на несколько месяцев и пять сожженных планет* (Д. Быков. Эвакуатор).

Нередко необычный выбор единицы измерения создает комический эффект, обыгрываемый в шутках и анекдотах:

Знакомство на светском приеме:

— *Мадам Валуа, если не ошибаюсь?*

— *Вы опоздали, мсье. Мадам Валуа я была четыре мужа тому назад* (пример В. Санникова).

С целью обновления формы и повышения смысловой нагруженности высказывания стандартные единицы измерения используются применительно к абстрактным понятиям: *Родину лучше всего продавать баррелями* (NN. АиФ, 2007).

— *Дорогой, я похожа на идеальную женщину?*

— *Нет, ты нечто большее!*

— *Да? И насколько?*

— *Килограммов на 50...*(anecdot.ru)

Аномальность приведенных примеров объясняется нарушением одного из правил семантического согласования, в соответствии с которым есть объекты неизмеряемые и измеряемые, для последних в функции единиц измерения (не только пространства и времени) закреплены определенные лексемы.

«Рассогласование» лежит в основе ярких метафор, построенных на несоизмеримости двух фреймов — фрейма источника и

фрейма цели метафорического переноса: *Ваша кухня мне жмет в бедрах.*

Семантическое «рассогласование» — излюбленный прием рекламистов:

*Купи себе немного Италии* (туристическое путешествие).

Видеоролик на ТВ: мама — дочке, доставая таблетки «Йодомарина»:

— *А где наш кусочек моря? Йодомарин: море всегда с тобой.*

*Ресницы длиною в страсть* (тушь для ресниц).

Таким образом, сущностное свойство языка — отражать недискретную реальность в дискретных единицах — может использоваться в целях воздействия на адресата и повышения выразительности речи.

### Примечания

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 216.
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

© Ю. В. Казарин  
г. Екатеринбург

### ОТ ПОЭЗИИ К ЯЗЫКУ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ

1. Поэзия как одна из форм языковой деятельности во все времена сознательного отношения к языку оставалась и остается загадкой. Множественный и комплексный характер природы поэтического творчества и сочинительства вообще, глобальность и неопределенность эстетического замысла и речевых реализаций не позволяют — ни стихотворцу, ни поэтологу — выделить и осознать функциональную и прагматическую стороны поэтического текста как части языкового порядка и языковой стихии, как причины, следствия (процесса) и результата языкового существования в целом.

Мысль А. Мейе о том, что язык не вещь, а деятельность, разрешает науке смотреть на поэзию как на дискретный процесс, в котором — в промежутках между энергетическими лингвистическими всплесками — появляются вещи, стихотворения.

Стихотворение как вещь в языке, как язык в этой вещи и как вещь в себе поддается анализу и без каких-либо видимых усилий со стороны языка сопротивляется синтезу. Оно после любого научного или полупрофессионального насилия над собой остается нетронутым и цельным, ничуть не утрачивая того запаса языковой и культурной энергии, который был заложен в него носителем языка, да и самим языком, который носил, носит и будет носить стихотворца как в физическом пространстве, так и в метафизическом времени.

Поэтическое время шарообразно. Такая характеристика языкового времени подтверждается апробацией сферических, полевых и пространственных измерений и моделирования различных видов и частей общей картины мира (наивной, языковой, научной, религиозной и т. п.), которую принято рассматривать в качестве инварианта языковой и в основе которой лежит первородная картина поэтического самопознания и освоения мира:

Предмет поэзии — помимо всего прочего — ужас красоты. Сладкий ужас жизни, любви и смерти осознается как движитель всего сущего и называется невыразимым.

Выражение неизъяснимого — это задача не литературы (прозы, драмы, где мир изображается, изобретается и варьируется), а музыки и живописи.

Выражение неизъяснимого — это сама поэзия как синтез «музыки образа и мысли» (по Заболоцкому).

2. Поэзия есть молчание — молчание речи, прерывание коммуникативных усилий ее, видоизменение информативного напора языка и мира и преувеличение креативной, творческой мощи языка как сознания, мышления и отношения к себе и бытию.

Поэтические тексты появляются не только благодаря, но и вопреки работе внешних и внутренних факторов работы языка, культуры и природы в целом. Познание себя и мира проистекает в человеческом сознании не автономно, а в непосредственной (и произвольной и непроизвольной) связи с мирами физическими и метафизическими. Такое познание изначально в соединении с аудиовизуальным, тактильным (физиологическим и физическим вообще) началось в процессе языковой и поэтической номинации. Осмысление предметов, процессов, явлений и атрибутов мира возможно — преимущественно — в рамках создаваемых человеком словарных дефиниций, когда понятийная

часть языковых единиц постоянно нуждалась (и нуждается) в коррекции. Поэтический язык не столько называет, сколько переназывает.

Загадка поэзии, на наш взгляд, заключается в ее способности передавать и придавать стихотворному тексту такие характеристики и возможности, которые не присущи ни одному какому-либо другому тексту. Энергетичность, динамичность, гармония, красота и смысловая мощь стихотворения неиссякаемы в силу наличия в поэтическом тексте таких категорий, как системность, структурность, эстетическая память, антропологичность и языковая энергия.

3. Русский язык, как и любой другой, находится в состоянии постоянного развития и становления. Динамичность, гибкость и генеративность (самовоспроизводство) русского языка обеспечиваются, во-первых, его ведущими функциями — номинативно-информативной, креативной, эстетической и пр., — а во-вторых, наличием в системе и структуре языка, наряду с базовыми знаками, единиц межуровневого, «переходного» характера, таких как морфоид, лексоид, синтаксоид, строфа, текстопарадигма, концептосфера, пневматосфера.

**Морфоид** — это единица языка, функционирующая в речи и в художественном (чаще поэтическом) тексте, которая является фонетически оформленной в виде звукокомплекса, слога и т. п., которая на основе звукоподражания или звукоизображения способна стать неоморфемой и которая способна выражать дограмматическое и/или долексико-грамматическое значение. Например: «вы со бу // р л эз» и «та са мае // ха ра бау» (А. Крученых).

**Лексоид** — это комплекс морфоидов, находящийся в состоянии морфологизации и лексикализации и имеющий лексико-грамматические признаки как звука и морфемы, так и слова.

Например:

Шикалу, Ликалу!  
Шагадам, магадам, викадам.  
Небазгин, доюлазгин, фиказгин.  
...Тили, тили! згин, згин!  
Хив, чив! згин, згин!  
Згин, згин, згин!

«Песня ведьм на роковом шабаше» [24].

**Синтаксоид** — это лексико-синтагматическое объединение, имеющее внешние и внутренние признаки как слова, так и предложения. Например: реструктурированный фразеологизм, свободное словосочетание, присказка (фольклорно-речевое) и т. п.

**Строфа** — графико-интонационное, ритмико-фонетическое объединение единиц всех уровней языка в смысло-тематическое и функционально-эстетическое единство (ср.: прозаическая строфа, поэтическая строфа, сложное лингвистическое [синтаксическое] целое и т. д.).

**Текстопарадигма** — совокупность текстов в рамках одной (или — тематически, структурно и т. п. — нескольких) языковой поэтической личности (например: лирика А. С. Пушкина; любовная лирика в русской поэзии XIX в.; стихи о поэтическом творчестве поэтов XX в. и т. п.).

**Поэтосфера** — это смыслопоэтическое поле, функционирующее в рамках тех или иных культуры и языка.

В целом уровневое строение системы русского языка схематически представляется следующим образом:

Уровневое строение системы русского языка

= *Фонетический уровень* (фонема, звук).

= Морфоид (промежуточный уровень).

= *Морфологический уровень* (морфема, морф).

= Лексоид (промежуточный уровень).

= *Лексический уровень* (слово, словоупотребления).

= Синтаксоид (промежуточный уровень).

= *Синтаксический уровень* (предложение, высказывание).

= Строфа (промежуточный уровень).

= *Текст*.

= Текстопарадигма (промежуточный уровень).

= *Культура*.

= Поэтосфера (промежуточный уровень).

= *Дух*.

Уровневое строение системы русского языка имеет иерархический характер. Наличие единиц промежуточной (переходной) природы обеспечивает такие качества языка, как динамичность, креативность, продуктивность, вариативность, эстетичность и энергетичность.

## ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

При выборе способа толкования сакрального содержания знака следует учитывать две ситуации, определяющие выбор конкретных лексикографических техник семантизации сакрального текста (далее — СТ):

1) сакральная информация об обозначаемом формально выражена (темой СТ, внутренней формой слов или номинативных словосочетаний, входящих в его состав, сакрально маркированными онома, языковыми единицами, представляющими базовые компоненты феномена сакральности и т. п.);

2) сакральная информация формально не выражена (текст не содержит лексических маркеров сакральности, представляется на первый взгляд профанным, исходные сакральные смыслы без дополнительной информации не «считываются»).

В первом случае (**при наличии маркеров сакральности**) возможность выявления, осознания сакральной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая глубина может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации внутренней формы сакрально маркированных элементов СТ, их денотативной «привязки» и/или пояснения системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку сакральный компонент составляет основу семантики этих единиц.

В качестве лексикографических техник семантизации компонентов СТ в данном случае может использоваться: а) толкование компонентов СТ через отсылку к сакрально маркированному мотиватору; б) выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты; в) толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы; г) толкование с опорой на контексты, свидетельствующие об этимологической рефлексии носителей языка (говора).

Другой вариант семантизации выбирается, если **лексические маркеры сакральных смыслов отсутствуют**. Речь идет, в частности, об общеупотребительных словах, приобретающих сакральные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами, или о предметах, действиях, признаках, выступающих в качестве символов определенного ритуала, обряда. Лексикографическая фиксация СТ и его компонентов должна в этом случае учитывать широкие внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями.

Существенное значение для интерпретации такого рода СТ имеет обращение к фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу, к народной идиоматике, которые позволяют воспроизвести символическую ситуацию, условное пространство функционирования культурного текста.

Выявление сакральных смыслов может осуществляться также через указание символических функций обозначаемого.

Сакральное слово в СТ (в качестве единицы семантических полей «сверхъестественное», «таинственное», «священное», «демоническое», «ритуально-магическое» и т. п.) выступает лишь как ассоциативный стимул, толчок к актуализации всего содержания СТ или отдельных его аспектов, получающих реализацию в зависимости от уровня языковых и внеязыковых знаний говорящих и их коммуникативных намерений. Характер целостного восприятия СТ определяется комплексом элементов устойчивой и варьируемой информации о соответствующем участке описываемого денотативного (или квазиденотативного) пространства в содержательной структуре текста, в совокупности его актуальных смыслов.

И в первом, и во втором случаях лексикографическое представление сакральных феноменов, очевидно, должно быть ступенчатым: от СТ — к отдельным его компонентам, позволяющим интерпретировать как сами сакральные смыслы, так и различные способы их выражения.

Способы представления сакральной семантики зависят от жанра СТ. Так, для заговоров достаточно описать условия (и/или правила) произнесения и привести комментарий отдельных устойчивых формул и слов, непонятных в силу их архаичности или затемненности их внутренней формы, так как сама тема заговора соотносит текст с определенным типом сакраль-

ной информации. Для «свернутых» СТ (идиом, мифологем) необходима экспликация исходных сакральных мотивов через культурно значимые пресуппозиции, показания языкового сознания, выявляемые в контекстах, и т. п. Для примет обязательным является соотнесение вербального и акционального элементов текста с типовой ситуацией, а также выявление ее мифосимволического источника и когнитивной базы, которая определяется по отнесенности прототипов текста к определенной сфере человеческого опыта, в том числе к сфере сакрального. Однако в любом случае в том или ином виде в словарной статье найдет отражение триада «семантика — синтактика — прагматика» СТ.

© М. Л. Кусова

г. Екатеринбург

## **РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Одной из базовых концепций лингвистики является концепция о связи языка и мышления. В языке находят отражение когнитивные процессы, семантика лексической единицы определяется набором существенных признаков явления, выделенных человеческим сознанием в процессе познания действительности. Не случайно именно когнитивная лингвистика, изучающая отражение мыслительных процессов в языке, активно развивается в последнее время. Ю. Н. Караулов пишет: «Слово имеет невероятно сложное строение: оно... содержит начатки знаний и формирует образное понятие о мире» [1]. В свете сказанного представляется особенно интересным обращение к фрагменту лексической системы языка, обеспечивающему репрезентацию интеллекта в русской языковой картине мира, позволяющему увидеть отражение в языке интеллектуальных процессов и семантику единиц, их обозначающих.

При определении модели и материала описания мы ориентируемся на «Большой толковый словарь имен существительных» [2], при составлении которого в том числе учитывались принципы идеографических словарей, что значимо при представлении языковой картины мира (денотативная сфера «Интеллект» в словаре описывалась М. Л. Кусовой, М. В. Слаути-



ной). По мнению Ю. Н. Караулова, «структура идеографического словаря фактически представляет собой совокупность семантических полей языка, составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов “картины мира”, а именно статистический ее компонент. Основными элементами, составляющими “языковую” модель мира, являются семантические поля» [3].

Согласно материалам «Большого толкового словаря имен существительных», сфера «Интеллект» представлена в языковом сознании русского человека следующими фрагментами: это фрагменты, связанные собственно с человеком (представление его интеллектуальных качеств, номинация человека с учетом особенностей его интеллекта и уровня интеллектуального развития); фрагменты, обусловленные интеллектуальной деятельностью, ее механизмами и результатами этой деятельности; фрагменты, связанные с представлением языка, в том числе как определенной семиотической системы.

Представленная модель достаточно полно соотносится с предложенным В. Г. Гаком опытом описания ментального поля, где также выделяются центр, единицы, связанные с номинацией человека с учетом его интеллектуальных особенностей, и ряд секторов, выделяемых с учетом таких семантических признаков, как способность к мыслительной деятельности, уровень ее [4]. Таким образом, связь когнитивных и собственно языковых явлений находит непосредственное отражение и в языковой картине мира, причем в сфере «Интеллект» выделяются количественно значимые фрагменты, связанные с обозначением языка и текста.

Логика отношений в данном фрагменте языковой картины мира такова: в центре поля находится человек, далее — его интеллектуальная деятельность, следующий сегмент — результаты этой интеллектуальной деятельности, включающие в себя язык, языковые единицы и явления. Идеографическое описание данного фрагмента языковой картины мира позволяет сделать вывод, что обыденным сознанием поддерживается восприятие человека как носителя языка, поддерживается также «знаковая» теория языка. Так, в группу существительных, обозначающих знак, входят лексические единицы, обозначающие собственно знаки, выполняющие определенную функцию: стрелка — знак, обозначающий направление; символ — знак для обозначения

понятия, сигнал — знак в виде световой вспышки; и языковые знаки: язык — система знаков; название — знак в виде слова, указывающий на какое-либо явление, понятие.

Одним из видов интеллектуальных операций являются оценивание и оценка, поэтому при анализе материала мы обратились к оценочному значению описываемых лексических единиц. Проведенный анализ позволил установить, что в данной сфере преобладают нейтральные с точки зрения оценки единицы, положительная или отрицательная оценка появляется лишь в группах, связанных с человеком. Прежде всего это оценка мыслительной деятельности человека, представленная в шкале «хорошо — плохо».

С. Д. Кацнельсон утверждал, что природа языкового знака определяется сопряженностью деятельности сознания и деятельности языка, вписывающейся в речемыслительный процесс [5]. Очевидно, именно эта сопряженность обусловила доминирование единиц с позитивной и нейтральной семантикой при репрезентации сферы «Интеллект» именами существительными.

### Примечания

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 26.
2. Большой толковый словарь русских имен существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 259, 271.
4. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 22–30.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 10.

© С. П. Лопушанская  
г. Волгоград

### СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ\*

По отношению к научным теориям, методам исследования, основополагающим положениям в области гуманитарных наук, при изучении развития определенной системы научного знания,

---

\* Автор является руководителем проекта РГНФ № 07-04-00264а «Изменение смысловой доминанты языкового сознания древних русичей (по материалам летописных сводов XI–XVII вв.)».

по-видимому, более корректно было бы говорить не о смене научной парадигмы, а о смене научной доминанты, как мы уже писали об этом [1]. В данном контексте имеется в виду преемственность, освоение и переосмысление компонентов предшествующих систем научного знания, их обогащение новым материалом, совершенствование приемов и методов его анализа. *Смену научной доминанты* мы предлагаем рассматривать как приобретение *методологической значимости* одной или несколькими составляющими, которые, будучи релевантными и для предшествующих теорий, не являлись доминирующими.

С этих позиций когнитивная лингвистика как самостоятельное научное направление рассматривается нами не в противопоставленности лингвистике традиционной, а в закономерном освоении и обобщении результатов развития, в частности русистики.

Если исходить из того, что смысловой доминантой языкового сознания является воспроизводимое в процессе коммуникации восприятие человеком окружающего мира, отношение мыслящей личности к явлениям материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о своем месте во Вселенной, о самом себе, то изменение названной доминанты закономерно будет сопряжено с изменениями речемыслительной деятельности. В связи с этим любые теоретические построения и их терминологическое оснащение в аспекте новой научной доминанты могут стать продуктивными только тогда, когда они базируются на комплексном «миропонимании изучаемой эпохи» (по словам акад. В. В. Виноградова) и мыслящей личности, чье миропонимание в процессе речемыслительной деятельности находит опосредованное отражение в языке.

Достижения структурной и функциональной грамматики, системоцентрической и антропоцентрической лингвистики, успехи теории речевых актов, интенсивное развитие семасиологии и разработка приемов компонентного анализа сначала в лексикологии и лексикографии, а затем применительно к явлениям других языковых уровней — все это сделало возможным изучение речемыслительных вариантов в качестве классифицирующих факторов, что дает новый импульс к обогащению и развитию современной науки о языке.

Научное пространство с древнейших времен обнаруживало

дифференциацию и взаимодействие таких наук, как логика, психология, философия, — в одном блоке; языкознание, литературоведение — в другом. Объединяющим фактором во взаимодействии этих наук является человеческий. Вот почему языковеды НИИ истории русского языка Волгоградского государственного университета выдвинули как основной принцип монографических исследований «язык мыслящей личности». В рамках этой научной доминанты, на первом плане которой находится объект изучения — язык и его комплексное осмысление с антропоцентрических и системоцентрических позиций, стала возможной *концептуализация* языковедческих идей, обладающая объяснительной силой. К примеру, доминирующее в грамматиках положение «развитие вида привело к утрате аориста и имперфекта в восточнославянских языках» не согласуется с последовательным развитием видовых корреляций в болгарском языке и с сохранением там оппозиции аорист::имперфект.

Аналогично можно говорить и о том, что *компонентный анализ* позволил нам предложить модель соотношения глагольных основ (нейтрализация и дифференциация их). А философское осмысление (концептуализация этого соотношения как конкретно-пространственного / абстрактно-пространственного) дало возможность объяснить причины сосуществования развернутой и свернутой систем времен в славянских языках [2].

*Компонентный анализ* позволил с позиций философского осмысления роли категориальной семы в семантической / смысловой структуре слова установить границу между полисемией и омонимией. Подобные примеры можно продолжить, имея в виду исследования динамики изменений коррелятивных связей между единицами как одного языкового уровня, так и разноуровневых.

Такое разграничение разных уровней *концептуализации* языковых явлений, закономерностей и их объяснения позволяет объективно воспринимать когнитологию, способствующую развитию науки о языке, если исходить из того, что единица языка, будучи средством номинации (отдельное явление), систематизации (часть общего), классификации (общее и частное), категоризации (обобщенное), является средством реализации речемыслительных процессов.

## Примечания

1. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Филология, 1996. Волгоград, 1996. Вып. 1. С. 6–13.

2. Лопушанская С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990.

© А. М. Плотникова

г. Екатеринбург

### ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ СЛОВА И СПОСОБЫ ЕЕ СЛОВАРНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В России поэт — Пушкин, фрукт —  
яблоко, куст — сирень.

*Т. Толстая*

Рассмотрение семантики слова с когнитивных позиций требует ответа на традиционные для семасиологии вопросы о соотношении значения и понятия, значения и представления, языкового, научного и наивного знаний о мире. Прототипическая теория значения, активно развиваемая в зарубежной и отечественной когнитивной семантике (Ч. Филлмор, Д. Герартс, А. Вежбицкая, Р. М. Фрумкина, Н. Н. Болдырев, И. К. Архипов, С. А. Песина, Е. Г. Беляевская и др.), провозглашает обусловленность значения слова деятельностью индивидуального и общественного сознания, принципиальную нелимитируемость значения, обеспечивающую возможность его семного и семантического варьирования. Прототипическую часть семантики слова связывают с «дальнейшим значением», «импликационалом», «коннотациями», «интерпретационной зоной». «В настоящее время, — как отмечает Л. Г. Бабенко, — понятие прототипа допускает двойное осмысление. С одной стороны, прототип понимается как образец, как лучший, типичный представитель категории: это конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность <...> С другой стороны, прототип осмысляется как совокупность прототипических признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости: ядер-

ные, повторяющиеся, частотные — периферийные, редкие» [1]. Исходя из психологического понимания прототипа как лучшего образца класса предметов, явлений, признаков и когнитивного понимания прототипа как ментальной структуры, прототип следует определять как концепт, являющийся эталонным репрезентантом и структурным ядром категории и характеризующийся набором психологически релевантных признаков.

Н. Н. Болдырев называет прототипический подход «одним из современных методологических открытий когнитивной лингвистики» [2]. Теория прототипов может быть применена к изучению различных языковых категорий и языковых объектов: частей речи, модусных категорий, лексических и синтаксических значений, семантической структуры многозначных слов и т. д. Прототипическая теория используется и в лексикографической практике. Современные словари пытаются отразить ту часть информации, которая связана с «наивными», обыденными, индивидуальными представлениями человека о мире и в то же время отображают знания, общие для всего лингвокультурного сообщества, информацию, известную всем членам языкового коллектива. Модель лексикографической репрезентации прототипов и теоретическое осмысление проблемы метаязыка описания прототипического значения предложены Л. Г. Бабенко. Так, в создаваемом под руководством Л. Г. Бабенко идеографическом словаре синонимов в словарной статье выделяется зона прототипа. Например, вот как представлен в словаре прототип синонимического ряда с доминантой *важничать*: держаться гордо, надменно, высокомерно и пренебрежительно по отношению к другим людям, стараясь показать свою значительность или придать себе большее значение, чем следует, подчеркивая собственные достоинства и заслуги, свое превосходство. Человеку, который ведет себя таким образом, обычно свойственны высокомерный и назидательный тон, горделивая осанка, неторопливые движения, солидный вид, часто он ходит с высоко поднятой головой и т. п. В словарной зоне, фиксирующей прототипическое значение данного глагола, представлены те признаки, которые служат наиболее типичными проявлениями поведения человека в описываемой глаголом ситуации.

Прототипическое значение понимается как составляющая часть языкового значения, которая связана с интерпретацией

говорящим фрагмента внеязыковой действительности. Прототипическое значение входит в ядерную часть семантики слова, так как отображает представления говорящего о типичных признаках объектов, типичных проявлениях действий. Вследствие этого прототипическое значение способно включать и компоненты «наивной картины мира», и компоненты «научной картины мира», в той степени, в какой они отображаются сознанием человека и какой когнитивной выделенностью характеризуются.

### **Примечания**

1. *Бабенко Л. Г.* Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Матер. Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г. / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 15.

2. *Болдырев Н. Н.* Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов, 26–28 сент. 2006 г. Тамбов, 2006. С. 38.

© Т. А. Трипольская  
г. Новосибирск

### **ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ: КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Проблемы прагматики и когнитивистики, традиционно относящиеся к разным направлениям, органично переплетаются и фокусируются на понятии языковой личности, в структуре которой неразрывно связаны когнитивный и коммуникативно-прагматический уровни. В последние годы предпринимаются попытки найти и описать «точки соприкосновения» и взаимодействия этих уровней в организации языкового сознания, во-первых, в теории и практике анализа языковой личности, во-вторых, в общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия.

Определяющим для исследования эмотивно-оценочных речевых актов (похвала, самопохвала и др.) является положение о том, что условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу (Ван Дейк, 1989) — концептуальный фрейм (или сценарий), который

организует наше речевое поведение и позволяет адекватно интерпретировать речевое поведение других людей.

В когнитивистике сложились представления о типах информации, хранящейся в сознании, ее «упаковке», организации и взаимодействии.

Для исследования эмотивно-оценочного дискурса наиболее существенными представляются три типа когнитивной информации: 1) знания о ценностных ориентирах социума, неразрывно связанные с обобщенными представлениями об эмоциях. Эти знания «организованы» вокруг некоего концепта (например, морально-нравственные концепты), актуального для говорящего коллектива; чем гуще сеть языковых знаков, отражающих эмотивно-оценочную интерпретацию внеязыковой ситуации, тем актуальнее она для носителей языка; 2) информация о типах речевого поведения, о речевых стратегиях, о путях построения речевых актов, в которых воплощается эмотивно-оценочное освоение мира; такая информация концептуализируется в виде ментального сценария; 3) знания собственно лингвистического характера, предполагающие освоение семантической, стилистической и прагматической специфики эмотивно-оценочного слова.

В процессе порождения эмотивно-оценочного дискурса взаимодействуют разные виды знаний, обуславливая конкретные речевые стратегии и выбор языковых знаков говорящим субъектом.

В современной коммуникации особое значение приобретает речевой акт положительной самооценки (самопохвалы), с помощью которого языковая личность реализует сложную систему интенций: стремление произвести благоприятное впечатление, создать образ уверенного в себе человека (защитная функция), компенсировать внешним выражением имеющуюся невысокую самооценку, выразить специфический круг эмоций и др.

Самопохвала квалифицируется социумом как нежелательное речевое действия — это основной тип информации в сценарии речевого действия, которая определяет выбор стратегии говорящим субъектом. Вопреки ожиданиям, далеко не всегда предпочтение отдается косвенным оценочным высказываниям, чаще человек, опираясь на знания о том, как выбрать соответствующий «коммуникативный ход», реализует следующие коммуникативные тактики: представляет положительное мнение о себе как



объективную информацию; предъявляет свое отношение к данному речевому действию: извинение за нескромность, отрицание хвастовства и др.; включает в эмотивно-оценочный дискурс два оценочных высказывания: одно из них — похвала или комплимент адресату, второе — самопохвала; облакает хвастовство в форму шутки, иронии и т. д.

В реальном общении, переплетаясь и взаимодействуя, указанные способы представления самооценки выражают многообразные интенции говорящих. Всех их объединяет общий прагматический элемент — говорящий стремится разными языковыми способами «обезопасить» себя, сделать менее уязвимым для критики окружающих. В этом проявляется осознание коммуникантами специфики самого речевого действия самопохвалы, которое не приветствуется говорящим коллективом. Данное положение дел свидетельствует о том, что ментальные сценарии речевых действий имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать то, что в данном обществе является характерным или типичным.

© В. Д. Черняк  
*г. Санкт-Петербург*

## **СИСТЕМОЦЕНТРИЧЕСКИЙ VS. ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К СИНОНИМИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ**

Проблемы лексической синонимии как универсального лексического явления органично связаны с проблемами эффективного общения и организации текста. Атомарный подход к лексике, господствовавший в первой половине XX в., делал закономерным скрупулезный анализ отдельных языковых фактов, выявление отношений в отдельных группах синонимов, рассмотрение их места в конкретных текстах.

Системоцентрический подход в лексикологии, становление и развитие которого неразрывно связано с именем Э. В. Кузнецовой, обусловил внимание к лексическим группировкам разного типа как воплощению парадигматических отношений в лексике. Большое значение для системного исследования синонимов имели

идеи взаимообусловленности парадигматики и синтагматики, осмысление семантической структуры многозначного слова как внутрисловной парадигмы, семный анализ значений синонимов. Системный подход к исследованию синонимии знаменовал переход от анализа отдельных групп семантически близких слов к рассмотрению их взаимосвязей и взаимообусловленности на всем пространстве словаря [1].

Становление новой антропоцентрической парадигмы в лингвистике не могло не сказаться на современных направлениях исследования лексической синонимии. Не случайно Ю. Д. Апресян проблему «образ человека в языке», способы воплощения языковой картины мира связал в первую очередь со своеобразием синонимических отношений в русской лексике [2].

Симптоматично, что каждый этап в изучении синонимов соотносился с определенным этапом их лексикографической разработки: достаточно сравнить первые синонимические словари (например, «Краткий словарь синонимов» В. Н. Ключевой), академический двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, представивший русскую синонимику в совокупности ее системных связей, и «Новый объяснительный словарь синонимов», создаваемый под руководством Ю. Д. Апресяна и сочетающий антропоцентризм с системным описанием лексик.

Современные подходы к синонимии соотносятся с достижениями когнитологии, поскольку оперирование синонимами — один из процессов, ведущих к добыванию нового знания. В этом отношении представляет особый интерес концепция синонимического словаря, разработанная Л. Г. Бабенко и развивающая идеи Э. В. Кузнецовой.

Особое место в современных функционально ориентированных исследованиях по синонимии естественно принадлежит тексту. Синонимы можно рассматривать как специальный лексический интерпретационный инструмент, обеспечивающий гибкость речевого поведения. Фокусируя внимание на очень существенных для процессов порождения и восприятия речи отношениях тождества и различия, они формируют смысловые вехи текста. Ряд (или ряды) синонимов оказывается семантическим центром, стимулирующим концентрацию внимания на определенной мысли, средством закрепления информации в сознании

читателя. В весьма распространенных случаях естественного соположения близкозначных слов в тексте обнаруживается явление синонимической конденсации: в результате тесной горизонтальной связи слов, между которыми устанавливаются отношения семантической близости, происходит своеобразное накопление признака.

Спаянность текстового семантического пространства обеспечивается как общностью ядерных сем, объединяющих слова-синонимы, так и родственными связями членов словообразовательных гнезд. Особенно велика степень прогнозируемости в тексте связей членов глагольных синонимических рядов и соотносительных рядов имен существительных, эксплицирующих межкатегориальный переход понятий.

По справедливому замечанию Ю. С. Степанова, «в мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это “возможный” (альтернативный) мир» [3]. Возможности синонимических замен в конце XX в. расширились в связи с появлением новых номинаций, с актуальной для наших дней установкой участников массовой коммуникации на обновление языка, с максимальной вариативностью речевого ряда, с минимальными ограничениями со стороны стилистической нормы (раскрепощенность современной речи, массивированное продвижение субстандартной лексики во все типы текстов, экспансия заимствований).

Лексические синонимы и в лингвистическом, и в литературном контексте начала XXI в. со всей очевидностью обнаруживают свою онтологическую предназначенность — служить средством многомерного представления объекта, инструментом коммуникативной «настройки», одним из ярких средств создания образа говорящего, образа автора.

## Примечания

1. *Черняк В. Д.* Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992.
2. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языкам: попытка системного описания // Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука 20 века. М., 1995. С. 44.

## КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: РОССИЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТЫ

На рубеже веков в лингвистике произошла научная революция. Возникла новая научная парадигма, сформировалась новая лингвистическая методология. Эта методология вовсе не отвергает достижения прошлых времен, но она ставит под сомнения незыблемость некоторых традиционных аксиом. Можно выделить следующие типовые признаки когнитивизма:

1. Антропологизм. Человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений. Закончилась эпоха системного анализа языка по уровням. Особенно это относится к фонетике и морфологии ведущих языков.

2. Функционализм. Изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций. Это означает, что мы изучаем уже не столько язык, сколько речевую деятельность. Специалистов интересуют и общие функции языка, точнее — речевой деятельности.

3. Экспансионизм. Тенденция к расширению сферы лингвистических изысканий. Со времен Соссюра было принято отчетливо дифференцировать лингвистические и экстралингвистические факторы. В когнитивных исследованиях не акцентируется граница между энциклопедической и языковой информацией.

4. Экспланаторность. Стремление не просто описать факты, но дать им объяснение. Новая теория, новые подходы не менее важны, чем новые факты. В этой связи следует вспомнить принцип дополнительности, который сформулировал датский физик Нильс Бор. Суть этого принципа состоит в следующем: если две теории противоречат друг другу, то это еще не означает, что одна из этих теорий является ложной. Каждая из этих теорий хороша на своем месте, для объяснения своей группы фактов.

5. Мультидисциплинарность. Новые и самые интересные научные направления возникают на пересечении различных наук: психолингвистика, социолингвистика, медиалингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика. Новое явление — это возникновение своего рода федераций наук. Например, ког-

нитивная федерация, в которую входят когнитивные психология, психолингвистика, психофизиология, психиатрия. Здесь представлены базисная наука и несколько гибридных.

6. Интуитивизм. Методологической основой традиционной западной лингвистики был рационализм, идущий от Гоббса, Вольтера, Декарта, Локка. Методологической основой советской лингвистики был марксистский рационализм, восходящий к Канту и Фейербаху. В эпоху постмодернизма методологией гуманитарных наук все больше становится интуитивизм. Языковеды прежних эпох смеялись над аргументом «мне кажется». Сейчас этот аргумент воспринимается как вполне закономерный. Интуиция воспринимается не как суррогатное мышление, а как разновидность мышления, которую можно использовать там, где разум бессилён.

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, сейчас необходимо отказаться от суммативных концепций и заменить их концепциями более творческого характера. Пришло время «обратиться к динамическим концепциям, отдающим дань самым сложным концепциям человеческого разума — воображению, интуиции, абстрактному мышлению и инференции».

### **Обязательные уточнения**

1. Новая научная парадигма не означает отказ от достижений прошлого или их преуменьшение. Нет ничего дурного и в том, что многие ученые продолжают свои исследования с использованием традиционных методов. Никто не отменял сравнительно-историческое языкознание или структурализм.

2. Новая парадигма не является единой. В ней легко выделяется несколько направлений, и эти направления в разной степени соотносятся с названными признаками.

3. Когнитивная лингвистика возникла в США, но российский вариант этой науки имеет существенную специфику, которая во многом объясняется традициями отечественной лингвистики.

# СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Б. И. Аболин  
г. Екатеринбург

## СЛОВО «ТЕРПИМОСТЬ» КАК БАЗОВЫЙ ИДЕНТИФИКАТОР КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам словарных трактовок)

Лексема «толерантность» в словарях русского языка трактуется как «терпимость к чужому мнению, верованию, поведению» [1], «снисходительность, снисхождение» [2]. Структура лексического значения данного слова подразумевает наличие субъекта (носителя толерантности), объекта (чего-либо недолжного), равнодушие носителя к недолжному в связи с нетривиальностью последнего, а также отсутствие негативной оценки и всплеска эмоций со стороны субъекта с целью поиска компромисса.

Впервые это слово появляется в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова 1940 г. и трактуется как «отвлеченное существительное к “толерантный”, терпимость» [3]. Слово «толерантный» данный словарь рассматривает как «то же, что терпимый в 3-м значении». Лексема «терпимый» имеет следующую дефиницию: «такой, что можно долго терпеть, чужой» и «способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим» [4]. Также стоит отметить, что слово «толерантность» снабжено пометой «книжное». Интересно, что в «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова 2006 г. слова «толерантность» нет, а лексема «терпимость» рассматривается как дериват от прилагательного «терпимый» — «способный, умеющий терпеть что-н. чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т. п.)» [Там же].

В Большом академическом словаре 1963 г. слово «толерантность» имеет помету «устар.» и рассматривается более подробно, детально прописаны его дериваты.

«Толерантность (*устар.*) — терпимость, снисходительное отношение к кому-, чему-л.

Толерантный (*устар.*) — снисходительный, терпимый.

Толерантно — наречие.

Толерировать (*устар.*) — проявлять толерантность по отношению к кому-либо» [5].

Вновь наблюдается отсылка к слову «терпимость», которое выступает одним из идентификаторов «толерантности».

«Терпимость» в БАСе рассматривается как «1) способность терпимо, снисходительно относиться к чужим привычкам, обычаям, взглядам. 2) терпимое отношение к лицам другой национальности, расы, другого вероисповедания». И здесь как самостоятельная единица приведено имя прилагательное «терпимый» — «1. такой, который можно вытерпеть, вынести; 2. снисходительно относящийся к чужим мнениям, обычаям, привычкам».

Таким образом, в БАСе и словаре Д. Н. Ушакова 1940 г. в словарных дефинициях репрезентируются одинаковые КЛС — «способность», «отношение» и одинаковые репрезентанты — «терпимость», «снисходительность», «вынести, мириться» «чужое». В БАСе уже намечается конкретизация объекта — «терпимость к чужим привычкам, обычаям, взглядам», терпимое «отношение к лицам другой национальности, вероисповедания».

Базовый идентификатор концепта «толерантность» — «терпимость». Это подтверждают трактовки и в современных словарях. Энциклопедический словарь 2003 г. трактует лексему «толерантность» как «терпимость к чужому мнению, верованию, поведению» [1].

Здесь основной репрезентант категории «толерантности» — «терпимость». Методом компонентного анализа выявляем основную КЛС слова «терпимость» — «способность». ДС1 — субъект (конкретной идентификации нет, но ясно, что терпимость к чужим мнениям, поведению испытывает только человек), ДС2 — объект (репрезентанты — «мнение, поведение, что-нибудь»), ДС3 — атрибутив (репрезентант — «чужое»). Таким образом, набор ДС подразумевает субъектно-объектную структуру ситуации: терпимость кого-то по отношению к кому-то. Толковый идеографический словарь существительных под редакцией Л. Г. Бабенко приводит следующее толкование слова

«толерантность» — «снисходительность, снисхождение», а терпимость — как «способность мириться с кем-либо, относиться снисходительно к чужому мнению, поведению». «Снисходительность — не строгое отношение к... ошибкам, виновности... ошибке.

Таким образом, слово «толерантность» в русском языке подразумевает «терпимость», «снисходительное отношение». Появление слова в языке только в 1940-е гг. и отсутствие его во многих современных толковых словарях говорит о недостаточной сформированности толерантности как черты русского мышления, русского характера и неполного формирования толерантности как концепта русской концептосферы.

### **Примечания**

1. Энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М., 2003.
2. Толковый идеографический словарь русских существительных / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2006.
5. Словарь современного литературного языка. М., 1963. Т. 15.

**© М. С. Аверкиева**  
*г. Екатеринбург*

### **ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА**

Речевой этикет понимается как «система языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией» [1].

«Речевой этикет представляет собой образец ярко выраженного стандартизованного речевого поведения. Стандартны сами ситуации знакомств, представлений, обращений, приветствий, прощаний, извинений, благодарностей и мн. др. Стандартны слова и выражения, применяемые в этих ситуациях...» [2].

Этикетная лексика поддается идеографической классификации, при создании которой учитываются и лексическое значе-



ние слова, и тип отображаемой ситуации — денотата слова. «Семантика этикетного знака обусловлена социальными и лингвистическими факторами. Важнейшими из них являются функции речевого этикета, отношение знака к другим этикетным знакам в системе речевого этикета и типичные для употребления знака речевые ситуации» [3].

На основании данных критериев в денотативной сфере **«Речевого этикета»** нами были выделены следующие идеографические группы: **1) лексика, выражающая несоблюдение этикетных норм** (*бестактный, бесцеремонный, невежественный* и т. д.); **2) лексика, выражающая соответствие нормам этикета** (*любезный, вежливый, галантный, куртуазный* и т. д.).

Зачастую трудно разграничить лексику со значением этикетных и этических норм. Одним из таких промежуточных лексических классов является класс **«нарушение принципа искреннего поведения»**. Проиллюстрируем на примере этого класса распределение лексики по семантическим группам поведения и речи.

К **группе лексики поведения** относятся такие слова, как *лакействовать, заискивать, лисить, низкопоклонничать, подбострастничать, подхалимничать* и многие другие. Об этом свидетельствует наличие в словарных дефинициях репрезентантов поведения: «вести себя определенным образом», «добиваться чьего-н. расположения», «преклоняться перед кем-н.», «заниматься низкопоклонством», «притворяться», «выдавать себя за кого-л.».

Для описания лексики данной группы используется метафора театра, в котором «актеры» скрывают свое истинное лицо за маской, надевают личину. Они выдают себя за кого-то другого, изображают из себя кого-либо, актерствуют, лицедействуют, играют комедию. Однако игру «актеров» нельзя называть безупречной; они ведут себя фальшиво, лицемерно, неискренне.

К **группе лексики речи** относятся такие слова, как *лгстить, улестить, лукавить, вилять* и другие. В словарных дефинициях данных лексем встречаются речевые маркеры: *уговаривать, отвечать, обещать, хвалить*. Лексика, входящая в данный класс, иногда метафорически связывается с движением по извилистой линии: *выкручиваться* (разг.), *вилять* (разг.) и т. д.

Итак, отметим, что лексика с семантикой неискренности употребляется как по отношению к поведению человека, так и к тону голоса, манере речи. Семантическая группа лексики поведения часто пересекается с группой лексики речи.

Лексемы класса «нарушение принципа искреннего поведения» обладают ярко выраженной **отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией**. Многие слова употребляются в словаре с пометами: «презр.», «пренебр.» и т. п. В словарных дефинициях присутствуют маркеры лицемерного поведения: «фальшивость», «двуличие», «подхалимство», «заискивание» и др.

Лицемерное, неискреннее, притворное поведение оценивается крайне негативно, что фиксируется в словаре. Коннотативное значение слова выходит на первый план. При этом лексика с негативной эмоционально-оценочной коннотацией часто относится к группе слов поведения и речи.

Распределение лексики по различным семантическим группам позволяет определить место этикетной лексики в системе языка и в словаре; показать пересекаемость этикетных слов, относящихся к различным денотативно-идеографическим классам.

Идеографическое описание лексики с семантикой нарушения этикетных норм (на материале класса «нарушение принципа искреннего поведения») является одним из начальных этапов создания словаря речевого этикета, необходимого как для лингвистов, культурологов, так и для широкого круга читателей.

## Примечания

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001. С. 3.
2. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. С. 399.
3. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002. С. 37.

## ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ МЕТАФОРЫ (на материале метафор, образованных от ЛСГ глаголов «обработки»)

Многозначные слова обладают особым когнитивным потенциалом: они многократно используются языковым коллективом для обозначения различных ситуаций. В данной работе нас интересовал интерпретационный потенциал метафоры как одного из типов семантической деривации.

Мы обратились к определенной группе глаголов — глаголам со значением обработки (например, *резать, пилить, чистить, колоть, сверлить, точить, шлифовать, молотить, полировать* и др.). Данные глаголы были объединены в одну группу на том основании, что все они обозначают ситуацию, которая включает такую денотативную составляющую — создание объекта (новой формы прежнего объекта) в результате обработки. Для нас важна именно прототипическая ситуация обработки (и созидания), так как именно ее составляющие востребованы для описания многих ситуаций физического и нефизического мира. Например: *На следующий день она не пошла на съемки: заболела, мол, голова раскалывается* (Г. Бакланов); *Турбину показалось, что он не умрет, а боль, что грызет и режет плечо, перетерпит* (М. Булгаков); *Потом тише: стало колоть в боках* (В. Крапивин); *У меня и без того ад на душе, а она еще пилит своим милым язычком!* (А. Ф. Писемский); *Дон Кондор перестал сверлить его взглядом и буркнул...* (А. и Б. Стругацкие); *Надо не деньги чеканить, надо чеканить афоризмы.* (В. Ерофеев); *Иногда я забываю о фигуре и начинаю молотить все подряд* («Огонек»); *Пьяному не грешно молот чепуху...* (А. П. Чехов). Отметим, что глаголы обработки для нас — не жесткий термин, многие из изучаемых нами глаголов рассеяны по подполю «физическое действие на объект», входят в состав различных лексико-семантических групп [1]. При выделении объекта исследования мы опирались на идеи Э. В. Кузнецовой, которая писала о том, что «лексическая система языка — это сложное единство многих и разнообразных характеров классов, групп, рядов слов. В этом

сложном единстве нет и не может быть резких границ... Этим, прежде всего, объясняется возможность различного определения объема семантических групп...» [2].

Интересующие нас глаголы в исходном значении обозначают различные типы воздействия на физический объект, поэтому семная структура каждого лексико-семантического варианта имеет свою специфику. Изучаемая нами группа глаголов отображает когнитивную модель, в которой можно выделить такие общие компоненты (или таких «участников», по терминологии Е. В. Падучевой [3]): *субъект воздействия, объект воздействия (материал и конечный продукт), инструмент воздействия (орудие), способ действия, целенаправленность действия, результат*. Также возможно выделение временной характеристики воздействия — «время воздействия».

Глаголы, анализируемые в данной работе, реализуют разные (иногда пересекающиеся) когнитивные схемы воздействия на объект: воздействие ударом (ударами) деформация объекта / его разделение (обычно острым инструментом), деформация объекта / создание отверстия, воздействие с удалением частей (слоев). Все эти схемы будут востребоваться в образовании метафор: основные компоненты воздействия в переосмысленном виде будут входить в семную структуру метафорического значения. В отдельных случаях метафоризация может происходить при «комплексной» производящей основе: глагол может иметь несколько базовых ЛСВ (*резать хлеб* и *резать по дереву*), «конкурирующих» друг с другом в образовании метафоры: в таких случаях сложно определить, какой ЛСВ является основным при образовании метафоры.

Нам важно увидеть, *как* переосмысливается тот или иной признак и как с помощью метафоры «интерпретируются» различные явления и процессы действительности. Все метафоры изучаемой ЛСГ можно разделить на метафоры физического состояния, метафоры негативного эмоционального состояния и воздействия, метафоры характеристики речи, метафоры интенсивного действия и нерегулярные метафорические значения. В данной работе мы проанализируем формирование нескольких из указанных метафорических групп, укажем на комплекс метафорических признаков, которые «задействованы» в образовании метафор.

## Примечания

1. Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов (словарь-справочник). М., 1988; Потапова Н. П. Глаголы со значением обработки предмета в предложении (по материалам диалектной речи) // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск, 1988; Боровикова Н. А. Особенности семантической структуры лексико-семантической группы глаголов разделения // Семантические классы русских глаголов: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 66–70; Фаткуллина Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке. Уфа, 1999; Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. 472 с.

2. Кузнецова Э. В. О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979. С. 5–12.

3. Падучева Е. В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия: Сб. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. М., 1992. С. 69–77.

© Е. Д. Бугрова  
г. Екатеринбург

### ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ К ПЕРЕВОДНОЙ ФАНТАСТИКЕ 1970–2000-х гг.

Книжная аннотация является вторичным речевым жанром, для которого характерны тезисность, прагматичность, энциклопедичность. В настоящее время важность жанра аннотации в книгоиздательском деле повысилась, так как при конкуренции огромного количества изданий важную роль играет непосредственное воздействие конкретного издания на отдельного потенциального покупателя. Аннотация настраивает читателя на восприятие предлагаемого произведения, заставляет его выбрать из общей массы конкретную книгу, оценив все ее достоинства и показав все ее лучшие стороны. Логическим следствием этого и явилось усиление экспрессии в аннотациях.

Мы считаем возможным разделить сегодня аннотации к переводной фантастике на три типа:

1. Классические аннотации, в которых экспрессивные синтаксические конструкции используются крайне редко. Такие аннотации характерны для 70–80-х гг. XX в.; сегодня этот тип аннотаций присущ твердой научной фантастике.

2. Аннотации переходного типа. Экспрессивные конструкции используются намного активнее, чем в классических аннотациях. Тип характерен для середины 90-х гг. XX в.

3. Аннотации нового типа, в которых преобладают экспрессивные синтаксические конструкции; основная цель таких аннотаций — привлечение внимания покупателя. Характерны для рубежа XX и XXI вв., что связано с заметным увеличением количества фантастических произведений.

Анализ материала показал, что классическая аннотация имеет целью представить содержание книги, не оценивая ее достоинств. Для аннотаций этого типа характерен высокий процент клишированности.

Аннотации переходного типа отличает тяготение к объемным цитациям из первичного текста, вплоть до того, что весь текст аннотации представлен цитатой.

С точки зрения экспрессивного синтаксиса наиболее интересными являются аннотации нового типа. Практика сегодняшней аннотации свидетельствует об отходе от соблюдения требований речевой (риторической) этики.

Наиболее распространенными синтаксическими конструкциями в аннотациях нового типа являются риторические вопросы, объединенные с риторическими восклицаниями (вопросно-ответные конструкции), создающие повышенный эмоциональный эффект: «Вы посмотрели ПОТРЕСАЮЩИЙ фильм Стивена Спилберга? Тогда ОБЯЗАТЕЛЬНО прочитайте роман Герберта Уэллса!»; «Будущее? Фантастика? Нет!»; «Волшебники живут среди нас! Не веришь? Прочти книгу о Гарри Поттере!».

Активно используются незавершенные предложения (стилистический прием, состоящий в намеренном недоговаривании, усечении, прерывании высказывания, сопровождающийся особой интонацией, обозначаемой на письме многоточием, — апозиопезис): «...Мир, где миллионы рабов создают благополучие элиты, опутавшей всю планету сетями насилия и лжи... <...> Мир, в котором безумие и реальность сплелись в единую вселенную, где ставка в Игре — выживание рода людского...»; «Увален сенбернар, преследуя кролика, забирается в нору. А в ней таится зловещая тварь, жуткое, кошмарное нечто... Маленький мальчик видит, как сама по себе отворяется дверца шкафа, из темноты на него глядят пышущие пламенем глаза...»; «Пирует в

пустых вагонах метро на станции “Эфлс-Корг” химерический двор буйного Эрла... Хранят древнюю тайну Чернецы, чья крепость расположена под станцией “Блэкфрайерз”».

В текстах аннотаций нового типа также часто встречается анафора (единоначатие); «...**Мир**, где миллионы рабов создают благополучие элиты... <...> **Мир**, в котором безумие и реальность сплелись в единую вселенную... <...> **Мир** безумной гонки вооружений, грозящей уничтожить всех и все на Земле...»; «**Она** вытащит вашу душу, как коврик, и повесит сушиться на забор! **Она** сведет с ума весь Незримый Университет, заставит волшебников сшить себе кожаные мантии и перекрасить стены спален в черный цвет! **Она** породит гитарную эпидемию...».

Как показало проведенное исследование, авторы современных аннотаций ставят перед собой задачу привлечь внимание, заинтересовать, удивить, эпатировать читателя. Следовательно, экспрессивные синтаксические конструкции являются важнейшей составной частью современной аннотации.

© В. П. Васильев

г. Кемерово

## ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ОБЛАСТНОГО КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Успешное развитие в отечественном языкознании когнитивизма, занимающегося интерпретацией человеческого сознания в связи с употреблением языка, подтверждается зарождением в его исследовательском контексте когнитивной лексикографии [1].

Заявленный лексикографический проект — «Сибирский метеорологический словарь» [2] — разрабатывается в русле идей идеографической лексикографии и концептологии. Он опирается на единство двух принципов — системно-структурного и когнитивно-дискурсивного (антропоцентрического). В связи с этим основными объектами словаря, образующими его макроструктуру, являются суперординатные категории, с помощью которых систематизируется корпус метеонимов сибирского ареала. Лексические категории как единицы идеографической органи-

зации вокабуляра рассматриваются в когнитивном аспекте. С этой точки зрения, к примеру, лексическая категория «атмосферные осадки», в своей таксономической основе стратифицирующаяся по трем уровням — супербазовому (атмосферные *осадки*), базовому (*дождь* — *снег* — *град* — *иней*...) и суббазовому (амур. *тучный дождь* 'кратковременный ливневый дождь' — ом. *облачный дождь* 'быстро проходящий, короткий, не затяжной дождь'...; том. *лопастный снег* 'снег, падающий крупными хлопьями' — амур. *падера* 'густой мокрый снег'...; кем. *секун* 'сильный град' — кем., н-сиб. *крупна* 'мелкий град'...), отвечает условиям обнаружения концептов (*супер*- и базовый концепты) и их языковой интерпретации (суббазовые имена). Отсюда следует, что ее когнитивное описание (по причине отсутствия в сибирских диалектах супербазового имени) сводится к концептуализации базовых названий.

При этом надо учесть, что состав категории не исчерпывается единицами ее таксономической организации; в нее входят лексические номинации и эквивалентные им выражения, связь которых с лексемами *суб*- и базового уровней определяется существованием а) различных парадигм: метонимических — ср. *иней* > н-сиб. *иней* 'мороз', партономических — том. *потек* 'струи дождя, поток', деривационных — *дождь* > том. *раздожжаться* 'начаться (о дожде)', *бус* > том. *бусовать* 'моросить (о дожде)' и др.; б) синтагматических соположенностей, включающих предикаты и атрибуты с закрытой или ограниченной валентностью — том. *направляться* 'начинаться (о дожде, снеге)', г. -алт. *жирный* 'большой, обильный (о дожде)', в) фразеологических отношений — ср. том. *косой дождь* 'игра, в которой девушки, взявшись за руки, быстро кружатся, пока одна не оторвется'. Они пополняют реестр обозначений, интерпретирующих базовые концепты, фиксируя в своем содержании «разные свойства того или иного объекта природы, способы его существования и проявления, характер приспособления к нему человека, практическое его использование, оценку и др.» [3]. Базовые концепты и входящие в их структурно-семантическое окружение разнообразные наименования, образуя денотативные классы [3] и своим сочетанием определяя категорию как стереоскопическое размытое лексическое множество, выделяются разными шрифтами и даются отдельными словарными статьями. Ср., напр., **д о ж д ь**



и ирк. **листожной** 'осенний мелкий дождь', алт. **лыва** 'большая лужа от дождя', бурят. **скатный** 'обильный, проливной (о дожде)', красн. **порховка** 'гриб-дождевик', амур. **распуститься** 'политься, разойтись (о дожде)'.

Концептуальное содержание базового имени воссоздается в словарной статье на основе его актуализаций в синтаксических конструкциях разной сложности, а также удостоверяется его проявлениями в лексических и фразеологических средствах как фактах «отсроченного» мышления. Демонстрация лексического концепта как вербальной формы знания осуществляется двояким образом: а) в виде когнитивного конструкта, содержащего информацию о сущности и существовании явления, которая структурируется совокупностью одномоментно рядоположенных параметров (слотов, аспектов) рассмотрения метеообъекта и составляющих их признаков (фреймовый уровень организации); б) в виде динамического феномена, дискурсивное существование которого задается синтагматическими моделями, организованными последовательностью расположения слотов (сценарный уровень организации). Признаковое заполнение слотов производится с опорой на семантизирующее слово (оно выделяется шрифтом) предложений-высказываний. Ср. слот «время суток» — *А ночью погода взялась, на дождь дула, к **утру** он и пошел* (Н-сиб. Бараб.). *Дождж прольет до **обеда**...* (Кем. Юрг. Н-ром.).

Единицы интерпретативного уровня категории обеспечиваются дефинициями и иллюстрируются типичными контекстами, показывающими окружение лексем и особенности их функционирования. Участвуя в вербализации концепта, они показывают пути, меру и качество его вхождения в языковую картину мира и смысловое расчленение в ней.

Когнитивно-лингвистический подход к сущности концепта, позволяющий изучать его сквозь призму дискурсивных структур и концептуально-лексических единств, обеспечивает рассмотрение вопроса о соотношении концептуальной и языковой картин мира, о существовании в языке универсального и специфического в отображении реальной действительности.

## Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Русские синонимы в когнитивном освещении // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург, 2005. С. 12–17.

2. *Васильев В. П., Васильева Э. В.* Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 182–188.

3. *Симашко Т. В.* Структура и содержание словаря денотативных классов // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск, 2002. Вып. 2. С. 185.

© Т. М. Воронина

г. Екатеринбург

## ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИИ В СФЕРЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(на примере группы «Характеристики речи человека»)

Одним из направлений, разрабатываемых в настоящее время межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко, является описание русских синонимов в когнитивном освещении. Практическим воплощением этой работы стал Словарь-тезаурус синонимов русской речи (в печати). Этот словарь продолжает серию идеографических словарей, изданных под ред. Л. Г. Бабенко, является словарем нового типа; он «дает представление о системной организации русских синонимов» и «открывает возможности широкого использования словаря и в сфере фундаментальных исследований русской синонимии, и в сфере практического функционирования русского языка» [1].

Нельзя не согласиться с тем, что «сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта — это показатель существенности, выделенности, выдвижения данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов» [2]. Одним из отмеченных синонимическими отношениями фрагментов картины мира является сфера речевой деятельности, и в частности характеризованная речь. В вышеназванном словаре приведено 74 синонимических ряда со значением «Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи» и 95 синонимических рядов со значением «Характерные особенности изложения, текста, стиля».

Особенности синонимических отношений в данной сфере следующие:

1. Основными репрезентантами идеи характеризованной речи

выступают глагольные и адъективные синонимические ряды; ряды же, сформированные словами других частей речи, преимущественно группируются вокруг них как близкородственные. Например: синонимический ряд *КРИЧАТЬ, шуметь, вопить, горланить, горлопанить, орать* и близкородственные ряды *КРИК, шум, вопеж, ор, оранье; КРИКЛИВОСТЬ, голосистость, громогласность, шумливость, шумность, горластость; КРИКУН, горлопан, крикуша, горлан, горлодер; КРИКУНЬЯ, крикуха, крикуша; КРИКЛИВЫЙ, голосистый, громкоголосый, громогласный, шумливый, шумный, горластый; ЗАКРИЧАТЬ, зашуметь, завопить, заорать; ПОКРИЧАТЬ, пошуметь, поорать; ПРОКРИЧАТЬ, провопить, прогорланить, проорать; КРИКЛИВО, голосисто, громогласно, шумливо, шумно.*

2. Выделяются базовые ряды, выражающие основную идею группы: *ПРОИЗНОСИТЬ/ПРОИЗНЕСТИ, выговаривать/выговорить, говорить/сказать, артикулировать* (для группы «Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи»); *ГОВОРИТЬ/СКАЗАТЬ, выражаться/выразиться, объясняться/объясниться, изъясняться/изъясниться* и *СТИЛЬ, слог, язык* (для группы «Характерные особенности изложения, текста, стиля»). Вокруг них группируются синонимические ряды, конкретизирующие основную идею, причем часто в этих рядах зафиксированы некие отклонения от нормы, представляющие «крайние точки» шкалы представлений об обычном, «среднем» произношении. Ср.: *МНОГОСЛОВНЫЙ, длинный, долгий, пространный, растянутый* и *КРАТКИЙ, афористический, афористичный, конспективный, короткий, лаконический, лаконичный, немногословный, однословный, односложный, сжатый, скупой, телеграфный, лапидарный.*

3. В незначительном количестве представлены ряды, называющие различные артикуляционные особенности и дефекты произношения, при этом они состоят преимущественно из 2–3 слов; их превосходят в количественном отношении ряды, называющие характеризованную речь как выражение эмоционального состояния. Ср: *ГНУСАВИТЬ, гнусить, гундосить* или *КАРТАВИТЬ, грассировать*, с одной стороны, и *ВОРЧАТЬ, брзжать, шипеть, бурчать, фыркать/фыркнуть, фырчать, бухтеть* или *ВОСКЛИЦАТЬ/ВОСКЛИКНУТЬ, вскрикивать/вскрикнуть, вскрикивать/выкликать/выкликнуть, выкликать/выкликнуть, выкликать/вы-*

кликнуть, выкрикивать/выкрикнуть, вскричать – с другой стороны. Еще более распространены, объемны по составу и представлены в еще большем количестве синонимические ряды, которые включают в себя единицы, содержащие сильный прагматический, интерпретативный компонент. Например: НЕПРИЛИЧНЫЙ, бесстыдный, вульгарный, грубый, грязный, крепкий, непристойный, площадной, пошлый, сальный, скабрёзный, циничный, глумливый, неблагопристойный, неподобающий, непотребный, циничный, забористый, заборный, кабацкий, казарменный, отборный, подзаборный, похабный, соленый, ядрёный, окопный, солдафонский, срамной или БОЛТАТЬ, лепетать, стрекотать, тараторить, тарахтеть, трещать, цокотать, частить, щебетать, тарантить, трюндеть. Подобные ряды не столько называют ситуации характеризованной речевой деятельности, сколько интерпретируют, оценивают эти ситуации с позиций говорящего, «наблюдателя».

## Примечания

1. Бабенко Л. Г. Предисловие // Словарь русских синонимов: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы (в печати).

2. Бабенко Л. Г. Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005, Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 12–17.

© И. А. Горчакова  
г. Екатеринбург

## РОМАН ИНГРИД НОЛЛЬ «МЕРТВЫЙ ПЕТУХ» («DER HAHN IST TOT») И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Для анализа взят роман-детектив известной немецкой писательницы Ингрид Нолль «Мертвый петух», на 300 страниц которого приходится более 700 фразеологизмов, и его перевод на русский язык, выполненный О. А. Соколовой (Нолль И. Мертвый петух. М.: Изд-во АСТ, 2004. 318 с.).

При семантико-стилистическом сопоставлении двух текстов выявляются яркие примеры переводческого несовпадения, например, когда необходимая замена немецкого фразеологизма (языковой единицы, изначально несущей в себе культурную специфику) осуществляется с использованием не вполне адекватных средств русского языка, что приводит к заметным контекстным искажениям и даже сказывается на передаче стилистических особенностей всего текста. Рассмотрим примеры таких несовпадений (см. табл.).

Немецкие фразеологизмы, их внутренняя форма	Перевод
<i>ein gefundenes Fressen</i> : буквально — разг. найденный корм/жратва	на руку — <i>снижение степени стилистической маркированности</i>
<i>was hat dir auf einmal die Petersilie verhagelt</i> : буквально — разг. что разом прибило к тебе петрушку, о зеленом цвете лица плохо чувствующего себя человека	ты что как в воду опущенный
<i>vorn und hinten</i> : буквально — разг. спереди и сзади в значении «нигде»	всегда — <i>отсутствие идиоматического выражения в переводе</i>
<i>fix und fertig</i> : буквально — проворен и готов, <i>фам.</i> — выбиться из сил, измотаться	тебе плохо — <i>отсутствие идиоматического выражения в переводе</i>
<i>lief eine leichte Gänsehaut über die Arme</i> : буквально — разг. по рукам пробежала легкая гусиная кожа/легкий мороз (от страха, ужаса, отвращения)	у меня по спине забегали мурашки (в русском языке об ощущении покалывания, озноба, дрожи) — <i>подмена типа эмоции</i>
<i>möglichst viele Eisen im Feuer haben</i> : буквально — иметь/держать в огне как можно больше железа, т. е.: иметь в запасе несколько средств (аргументов, выходов, вариантов)	изливать всем душу — <i>изменение семантики идиомы</i>
<i>weit und breit</i> : буквально — далеко и широко, т. е. нигде	«—» — <i>перевод отсутствует</i>
<i>sie ham mir ausgenommen wie'ne Weihnachtsjans</i> : буквально — разг. они меня вынули/выпотрошили как рождественского гуся, фразеологизм сугубо европейский и приведен на диалекте с сохранением фонетических особенностей последнего	<i>прост.</i> ободрали меня как липку — <i>стилистическое несоответствие</i>

Немецкие фразеологизмы, их внутренняя форма	Перевод
<i>um Gottes willen</i> : буквально — <i>разг.</i> из-за/ради бога, используется для выражения испуга, предостережения и т. п.	ради бога (в русском языке = пожалуйста, при усиленной просьбе), господи (в русском языке для выражения удивления, досады, нетерпения), боже мой (в русском языке для обозначения удивления, негодования, радости) — <i>различные варианты перевода с частичным изменением семантики высказывания, его эмотивного смысла.</i>

Видно, что из 9 приведенных идиоматических выражений 7 фигурируют в русском тексте, будучи переданными в той или иной мере неточно в семантическом или стилистическом плане. Иногда идиомы оказываются неперевоенными вообще. При этом более адекватные варианты перевода можно подобрать практически во всех случаях.

Возможно, что подобные несоответствия вызваны разными прагматическими установками оригинала и перевода: русский текст специально стилистически ориентирован на «бульварное» чтение, а исходное произведение И. Нолль, которое вполне может быть классифицировано как дамский роман-детектив, в психологическом и, вообще, литературном смысле выглядит гораздо серьезнее.

© В. В. Гузикова

г. Екатеринбург

## О СВОЕОБРАЗИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ (на материале фразеологических единиц английского языка)

Явление синонимии наблюдается как в лексике, так и во фразеологии. Отношения между синонимами, как лексическими, так и фразеологическими, — это отношения общего и различного (отношения эквивалентности). Синонимический ряд слов

и синонимический ряд фразеологизмов характеризуют разные речевые сферы, разные стили речи. Изучение как лексических, так и фразеологических синонимов возможно в парадигматических группировках более высокой степени обобщения (например, в семантических полях). Однако синонимические отношения между фразеологическими единицами характеризуются большим своеобразием по сравнению с лексической синонимией. Различия между лексическими и фразеологическими синонимами обусловлены природой лексических и фразеологических единиц, их структурно-семантическими свойствами, цельно-оформленностью слов и раздельнооформленностью фразеологизмов. В данной статье под фразеологическими синонимами понимаются «кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по своему лексическому составу, имеющие общие и дифференциальные семантические компоненты и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении» [1].

При исследовании синонимических связей фразеологических единиц (далее ФЕ) фразеологические синонимы рассматриваются нами как конституирующие элементы парадигматических группировок — синонимические ряды. Под фразеосинонимическим рядом понимается «цепочка» фразеологизмов, связанных семантически, но отличающихся каким-либо компонентом.

Фразеологизмы, являясь раздельнооформленными образованиями, характеризуются разнообразием структурного построения. Так, внутри фразео-синонимического ряда наблюдается наличие одноструктурных синонимов. Например, в фразеосинонимическом ряду со значением 'to swear at smb.' ('ругать кого-л.') сосуществуют одноструктурные синонимы: to give smb. (a lick with) the rough side of one's tongue; to give smb. the (rough) edge of one's tongue; to give smb. a broad-side; to give smb. the works (разг.); а также и разноструктурные синонимы: to give it smb. hot and strong (разг.); to give smb. what for (разг.). Наличие подобных структурных синонимов является отличительной особенностью фразеологической синонимии [2].

Структурно-синонимические отношения во фразеологии тесно связаны с вариантностью — второй отличительной особенностью фразеологической синонимии. Для фразеологических вари-

антов характерны общность образа и единая стилистическая окрашенность. Для фразеологических синонимов характерны различная образность (за исключением структурных синонимов) и разная стилистическая принадлежность. Например, ФЕ *to be flush with money* (разг.); *to be in the money* (амер. жарг.); *to be in riches* (разг. уст.) — члены синонимического ряда со значением 'to be rich' ('быть богатым') рассматриваются нами как синонимы ввиду их различной стилистической окрашенности (несмотря на единство образа).

Фразеологическое варьирование заключается в замене отдельных компонентов ФЕ. Варьирование может быть грамматическим (варианты, различающиеся словоформами, порядком слов) и лексическим. Именно лексическое варьирование ставит проблему разграничения варьирования и синонимии.

При лексических заменах компонентов ФЕ с местоимениями *smb/smb's* выявляются определенные семантические закономерности. Чаще всего слова-заменители являются лексическими синонимами заменяемых компонентов. Синонимическим заменам могут подвергаться как глагольные компоненты ФЕ (*to call (have (put) smb. on the carpet* 'дать нагоняй, выговор кому-л.'; *to burn (wallow) in money*; *to be (live) in clover* 'жить в роскоши, процветать'), так и компоненты-существительные (*to hit the booze (bottle, jug, pot)* (жарг.) 'беспробудно пьянствовать, пить мертвую'; *to save one's bacon (hide, neck, skin)* 'спасать себя, свою шкуру').

В стилистической информации ФЕ может присутствовать информация о ее социально-жанровой специфике, т. е. информация о коммуникативной сфере общения (функциональный стиль) и о конкретной ситуации общения (регистр), включающая «статус» коммуникантов и указание на ролевые отношения участников коммуникации.

Анализ фразеологического материала показывает, что стилистически отнесенные фразеологические синонимы распределяются по ситуациям общения.

В заключение следует отметить, что для фразео-синонимического ряда характерно отсутствие упорядоченности, регулярности, единообразия. Фразеологическая синонимия по своему характеру ассиметрична: фразеологизмы — члены ряда обладают общими свойствами, едиными характерными признаками, интегрирующими их в один фразео-синонимический ряд.



## Примечания

1. Кушин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. С. 130.
2. Использованные словари: Кушин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984; The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6-th ed. Oxford, 1976; Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. L., 1970 (Brewer).

© Г. Е. Гуляева

г. Екатеринбург

### КОНЦЕПТ «ЗВЕЗДЫ»: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ (на материале текстов К. Кинчева)

Понимая концепт как репрезентированную в языке оперативную содержательную единицу сознания, которая культурно обусловлена и отражает комплекс всех представлений и ассоциаций, возникающих у носителя языка в связи с каким-либо явлением действительности, мы считаем, что исследование концепта должно носить двунаправленный характер. Наравне с актуальными, универсальными знаниями нужно учитывать и историко-культурный контекст, оказывающий влияние на формирование концепта. Так, Ю. С. Степанов обращает внимание на то, что «концепт имеет “слоистое” строение и разные слои являются результатом, “осадком” культурной жизни разных эпох» [1]. Развивая эту мысль, Л. Г. Бабенко отмечает «двойственную природу многокомпонентности концепта: во-первых, она обусловлена исторически, диахронно, и представляет собой “вертикаль смысла”; во-вторых, она обусловлена синхронно — множеством одновременных репрезентаций в разных синтагматических контекстах (“горизонталь смысла”)» [2].

Без привлечения информации культурного фонда многие из выделенных концептуальных смыслов не поддаются интерпретации, некоторые концептуальные смыслы оказываются вне поля зрения исследователя, вследствие чего становится непонятной логика формирования и структурирования концепта, остаются невыявленными связи, существующие между компонентами концепта и обеспечивающие его цельность.

Обращение к текстам при изучении концептов обусловлено

тем, что тексты являются «подлинными хранителями культуры» [3], носителями культурно-исторической информации. Исследование концептов, репрезентированных в художественном тексте, ценно не только тем, что может дать представление о мышлении и мироощущении автора данного текста, но и тем, что может выявить, как индивидуальная концептуальная система отражает коллективную систему представлений, сложившуюся в данной культуре, а иногда и влияет на нее.

Для концепта «Звезды» культурно-исторические знания («вертикаль смысла») формируются на основе мифологических представлений, которые не растворились без следа, а зафиксировались в языке (языковых метафорах, фразеологизмах, фольклоре, художественных текстах и т. п.) и продолжают оказывать влияние на носителей языка.

В ходе анализа текстов К. Кинчева было выявлено, что некоторые концептуальные смыслы соотносятся с мифологическими представлениями и отражают картину мира, присущую мифологическому сознанию. Рассмотрим влияние историко-культурного контекста на формирование концепта «Звезды», репрезентированного в текстах К. Кинчева, на примере нескольких концептуальных смыслов.

1. Звезды воспринимаются как живые (в том числе антропоморфные существа), что выражается в том, что им приписываются признаки и свойства живого существа, в частности человека. Например, в художественной картине мира К. Кинчева звезды наделяются способностью испытывать и выражать эмоции: *Я слышу смех звезд* (Театр); *Я видел сотни раз слезы звезд* (Слезы звезд). Подобное олицетворение звезд объясняется влиянием мифологических представлений. Например, древними славянами звезды воспринимались как живые существа и нередко представлялись, как пишет Н. С. Шапарова, «молодыми прекрасными девушками, летающими по небу с горящими лучинками или свечками в руках» [4].

2. Звезды связаны со смертью, с загробным миром. Данный концептуальный смысл совмещает в себе противоположные представления: с одной стороны, звезды воспринимаются как души умерших, с другой стороны, они соотносятся с живыми людьми, а угасание одной из них свидетельствует о смерти какого-либо человека.

Например, в следующих контекстах звезды связаны с загробным миром, что обусловлено, очевидно, их расположением на небе. Согласно языческим представлениям, души людей после смерти возносятся вверх, на небо, где располагается Вырий — аналог христианского рая [5]: *Тот, кто разом жег за собою мост, / Продолжает путь в окруженьи звезд* (Умереть молодым); *Кто сберег, да все раздал, / Ясным в хороводе встал / Звезд* (Белая невеста). Второй из приведенных выше контекстов свидетельствует о том, что душа человека после смерти не просто оказывается на небе, а становится звездой. Аналогичное представление фиксируется в мифологии. Как отмечает В. В. Шуклин, изучая мифы русского народа, «по мере развития представлений о самостоятельном существовании души звезды стали рассматриваться как души предков» [6].

В следующем контексте звезды соотносятся с живыми людьми, а их угасание, соответственно, — со смертью этих людей. Этим объясняется и появление в тексте эмоции грусти (см.: *не надо слез*). В образе *Фонарищика вселенной* представлен Бог, тот, кто распоряжается судьбой человека, его жизнь и смертью: *Фонарищик вселенной потушит сегодня / Несколько звезд, / В сущности — это так мало, / Прошу вас. Не надо слез* (Звездный предел).

Возникновение подобных образов обусловлено, на наш взгляд, влиянием мифологических представлений. Как пишет Н. С. Шапарова, «по некоторым поверьям, когда рождается человек, от солнца откалывается кусочек, который превращается в звезду, а когда человек умирает, его звезда гаснет и падает» [7].

Н. С. Шапарова приводит и другой, возникший с приходом христианства вариант этой легенды, в соответствии с которым звезды стали восприниматься как окошки в светлом Божьем тереме. Когда человек рождается, в небе появляется новое окошечко-звезда, через которое ангел-хранитель наблюдает за человеком, а когда человек умирает, окно закрывается и ангел-хранитель умершего летит за его душой на землю в виде падающей звезды [8].

Таким образом, рассмотренные концептуальные смыслы не столько отражают индивидуально-авторское восприятие, сколько предопределены историко-культурным контекстом, в частности мифологическими представлениями. Обращение к историко-культурному контексту позволяет наиболее полно описать содержание концепта «Звезды», репрезентированного в текстах

К. Кинчева, а также выявить его национально-культурную специфику.

### Примечания

1. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 49.
2. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. Москва; Екатеринбург, 2004. С. 106.
3. См.: *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
4. *Шапарова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 статей. М., 2003. С. 256.
5. См.: Там же.
6. *Шуклин В. В.* Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. С. 66.
7. *Шапарова Н. С.* Указ. соч. С. 497.
8. См.: Там же. С. 256.

**М. В. Дудорова**  
г. Екатеринбург

### АКУСТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБРАЗА «ПОЕЗД» В ПОЭЗИИ И. АННЕНСКОГО

Пространство как когнитивная категория может быть в полной мере описано посредством понятия «пространственный образ», который, будучи фрагментом целостного литературно-художественного пространства, является денотативно соотносенным с определенным фрагментом реального мира, приобретающего в результате категоризации творческим сознанием определенные, устойчивые в рамках идиостиля поэта перцептивные и эмотивные характеристики. При описании пространственного образа значимыми критериями (помимо изначальной типологической характеристики пространства, традиционно задаваемой оппозициями: вертикальное / горизонтальное, открытое / закрытое, точечное / линейное, плоскостное / объемное и т. д.) являются Субъект, Объект(ы) восприятия и сам процесс Восприятия.

Одним из ключевых в поэзии И. Анненского является пространственный образ «Поезд». Рассмотрим акустическое восприятие лирическим субъектом данного пространства.

Прежде всего, поезд предстает как источник шума, в котором

невозможно разделить отдельные звуки (*гул*), эта звуковая «слитность» подчеркивается контекстным партнером *хаос* (здесь и далее текстовые выделения мои. — М. Д.):

А снизу **стук**, а сбоку *гул*,  
Да все беспцельней, безымянней...  
И мерзок тем, кто не заснул,  
Хаос полусуществований!

<...>

Забывшим за ночь свой недуг  
В глаза опять глядит терзанье,  
И дребезжит сильнее **стук**,  
Дробя налеты обмерзанья.

(Зимний поезд)

Доминирующей звуковой характеристикой становится стук колес о рельсы и грохот, производимый деталями механизма (*громыхая цепями*):

А внизу содроганье и **стук**  
Говорили, что ужас не прожит;  
**Громыхая** цепями, Недуг  
Там сковал бы воздушных — не может.

(Дымы)

Отметим, что в обоих контекстах лирический субъект воспринимает звук с позиции пассажира, на это указывают наречия *снизу* и *сбоку*, обозначающие позицию лирического субъекта в пространстве.

С образом поезда также связаны звуки гудка, в тексте они не номинируются прямо, указывается только источник звука (*труба*) и косвенная номинация самого звука (*призыв*):

Флаг линияло-зеленый,  
Пара белые взрывы,  
И трубы отдаленной  
Без ответа **призывы**.

(Тоска вокзала)

В приведенном контексте издаваемые звуки номинируются разными лексическими способами: прямая номинация, звукоподражание — *динь-динь-динь*, а также причастная форма глаго-

ла *звенеть*. Лексема *вздохи* в контексте приобретает метафорическое значение, основанное на смене субъекта действия (человек — поезд).

Тишь-то в лунном свете,  
Или только греза  
Эти тени, эти  
**Вздохи** паровоза  
И, осеребрённый  
Месяцем жемчужным,  
Этот длинный, чёрный  
Сторож станционный  
С фонарем ненужным  
На тени узорной?  
**Динь-динь-динь** — и мимо,  
Мимо грезы этой,  
Так невозвратно,  
Так непоправимо  
До конца не спетой,  
И **звнящей** где-то  
Еле ощутимо.

(*Лунная ночь на исходе зимы*)

Образу поезда противопоставлено изначально «молчаливое» открытое природное пространство; в данном контексте адъективная форма *немая* под действием метафорического переосмысления приписывается не конкретному предмету, а состоянию атмосферы, пространства:

Снегов **немую** черноту  
Прожгло два глаза из тумана,  
И дым остался на лету  
Горящим золотом фонтана.

(*Зимний поезд*)

С одной стороны, лирический субъект в ряде ситуаций стремится к тишине, которая будет связана с отсутствием звука, исходящего от него самого:

Довольно дел, довольно слов,  
Побудем молча, без улыбок.

(*В вагоне*)

С другой стороны, в молчании кроется таинственность, вы-

зывающая тревогу ожидания, это касается случая тишины и молчания окружающего мира:

Как вор, наметивший карман,  
Она *тиха*, пока мы живы,  
Лишь *молча* точит свой дурман  
Да тушит черные наплывы.

(*Зимний поезд*)

Ощущение угрозы подчеркивается контекстным окружением — лексемами, имеющими отрицательные коннотации (*вор* и *дурман*).

В целом акустическое восприятие пространственного образа «Поезд» формируется за счет создания перцептивно определенного предметного образа (при этом поезд воспринимается как извне, так и изнутри) и благодаря общетекстовому противопоставлению «звук—тишина».

Анализ акустического восприятия также показал, что восприятие мира в поэзии И. Анненского характеризуется как комплексное, так как совмещает в себе восприятие физическое (зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное) и психологическое (ментальное и эмоциональное).

© А. И. Дунев  
г. Санкт-Петербург

### **ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ\***

При построении сложноподчиненного предложения нередко допускаются ошибки, связанные с грамматической правильностью модели.

Причины грамматических ошибок могут быть различны.

---

\* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-04-00158а.

## Ненормативное предложное и беспредложное управление

Хотелось бы *заметить о том*, что мы не благотворительная организация, а коммерческая (из выступления на совещании).

Это еще раз *доказывает о том*, что красота — страшная сила (МузТВ).

Знаете, хотелось бы *поделиться о том*, как процветает клиника (Радио Россия).

Наше заседание *свидетельствует в том*, что мы достигли определенных результатов (из выступления).

Кто будет *следить о том*, что в общественных местах не будут пить пиво? (НТВ. «Воскресный вечер». 27.05.2007).

Из всего ранее сказанного можно *понять о том*, что нынешнее положение в бюджетной сфере оставляет желать лучшего (РТР. «Парламентский час»).

Я все-таки *согласилась с* Белинским *то*, что Онегин «добрый малый» (из сочинения).

## Лексическое значение глагола препятствует употреблению сложноподчиненной конструкции с придаточным изъяснительным

Именно прокуратура *санкционировала* журналистов *в том*, чтобы организовать определенное общественное мнение («Эхо Москвы»).

## Неточное употребление значения глагола при отсутствии координации лексической и грамматической семантики

Гловинская *определяет*, что потенциальное значение возникает при совокупности нескольких условий (из дипломной работы).

Ср. *определила*, что

Мне *полагается*, что высказанная идея очень важна (устная речь).

Ср. *Я полагаю*, что...

## Недопустимо указательное местоимение

Вот у меня в руках справка, которая *гласит о том*, что экологическая ситуация в районе неблагоприятная (НТВ. «Сегодня»).

## Ненормативное управление при компенсаторном глаголе

Я *обращаю внимание* аудитории *о том*, что эта концепция является спорной (устная речь).

Мы уже *проводили обсуждение*, что это не подходит для нашего коллектива (устная речь).

## Недопустимо прямое дополнение

Я *понимаю* крылатую фразу «Привычка свыше нам дана», что от привычки сложно отучиться (из сочинения).



## **Неоправданная замена средства связи**

Пушкин *уделяет* большое внимание, когда повозка Лариных не-  
сется по Тверской (из сочинения).

## **Использование союза после вводного слова**

*Следовательно*, что для данной формы этот признак исключен  
(из дипломной работы).

*Очевидно*, как важно в функциональном аспекте соотношение  
слова с единицами других языковых уровней (из методического  
пособия).

## **Недопустимое стечение союза и союзного слова**

Текст *говорит* о том, что сколько на земле обычаев (из сочи-  
нения по тексту).

## **Передача чужой речи**

Как *говорил* Евгений Примаков, что какие негодяи и безобраз-  
ники есть в нашей замечательной стране (газета «Метро»).

Он *говорит*, что не собирается что-то делать, и можете ставить  
два, ему, он *говорит*, что безразлично (из докладной).

Существующие словари и справочники не регламентируют синтаксические нормы при построении сложноподчиненного предложения. Несмотря на разнообразие случаев ненормативного употребления сложного предложения, модели могут быть описаны в ортологическом словаре. Адресатом такой книги могут стать школьники, абитуриенты, студенты и все интересующиеся русским языком. В словарной статье планируется пред-  
ставить как нормативные конструкции, так и ненормативные, а также привести примеры правильного и неправильного употре-  
бления сложноподчиненных предложений. Для решения учеб-  
ных задач выбираются наиболее употребительные конструкции.

Составление краткого лексико-синтаксического словаря-  
справочника стало возможным благодаря подготовленному к  
изданию «Лексико-синтаксическому словарю русского языка»  
С. Г. Ильенко и И. Н. Левиной.

## ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОММУНИКАТИВОВ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Под коммуникативами мы, вслед за многими исследователями (Е. Ю. Викторовой, Е. К. Кожинной, С. В. Андреевой и др.), понимаем речевые единицы, которые являются реакцией, порой автоматической, на речь говорящего/слушающего в процессе коммуникации, обладают интенциональной заданностью, ситуативно-контекстуально обусловлены, интонационно оформлены и синтаксически независимы, носят непредикативный характер, например: *Ну давай! Пока! Да что ты! Да нет! Oh God! Right then. Oh no!* и т. п.

По данным исследования, проведенного С. В. Андреевой, объем таких специфических речевых единиц в разговорно-бытовой речи составляет в среднем 31,8 % [1]. Это обстоятельство не позволяет оставить без внимания указанные единицы речи: необходимо их всестороннее лингвистическое исследование и лексикографическое описание. В настоящее время в связи с резко возросшим спросом на изучение иностранных языков и, следовательно, на современные средства обучения назрела необходимость лексикографической интерпретации коммуникативов и в лингводидактическом аспекте.

Считаем, что выбор такого жанра учебной лексикографии, как учебное пособие словарного типа, не только позволит решить проблему описания коммуникативов как особых единиц речевого общения, но и поможет в их усвоении. Это возможно, на наш взгляд, при условии ориентации искомого пособия словарного типа на особую систему так называемых методических запросов. Под **методическим запросом** В. В. Морковкин понимает указание на необходимый в методике аспект рассмотрения языковой единицы и на целесообразную с точки зрения методики глубину рассмотрения этого аспекта [2]. Как представляется, подход к созданию учебного пособия словарного типа можно определить следующими общеметодическими запросами:

1. Исходя из того, что современная цель обучения иностранному языку — это обучение общению, учебное пособие словар-

ного типа должно предоставлять такую лексикографическую интерпретацию коммуникативов и механизма овладения ими, которая будет способствовать формированию личности учащегося (черт вторичной языковой личности), способной и желающей участвовать в общении на межкультурном уровне.

2. Учебное пособие словарного типа должно включать следующие аспекты: а) прагматический — способствовать формированию знаний, навыков и умений, владение которыми позволит приобщиться к лингвокультурным ценностям страны изучаемого языка и практически использовать коммуникативы в ситуациях межкультурного общения; б) когнитивный — предоставить учащемуся возможность эффективно конструировать ментальные национально-специфические представления, вербализованные в коммуникативах (способствовать формированию картины мира); в) педагогический — способствовать формированию личностного отношения к усваиваемому материалу, в том числе и к внеязыковой его составляющей.

3. Основываясь на положении о системном характере обучения языку (что не противоречит обучению в процессе живой спонтанной коммуникации), учебное пособие словарного типа должно содержать языковой материал, обладающий высокой коммуникативной ценностью, и рассматривать коммуникативы во всех подсистемах языка.

4. Исходя из положения об учете родного языка и родной культуры, авторы учебного пособия словарного типа должны разграничивать универсальный и национально-специфичный характер коммуникативов.

5. Учебное пособие словарного типа должно входить в качестве составного элемента в систему средств обучения иностранному (английскому) языку, что предполагает:

- включение в пособие языкового материала и его описание в соответствии с требованиями учебных программ;

- формирование способности к автономному обучению и общению на английском языке;

- особые способы подачи и оформления содержания, а также полиграфические качества словаря, поддерживающие, а в идеале и усиливающие мотивацию к обучению [3].

Таковыми, на наш взгляд, являются общеметодические запросы, определяющие подход к созданию учебных пособий словар-

ного типа, ориентированный на лингводидактическое описание коммуникативов русской и английской разговорной речи.

### Примечания

1. *Андреева С. В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. С. 50.

2. *Морковкин В. В.* Лексическая основа русского языка: Комплекс. учеб. слов. / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984. С. 22.

3. *Мандрикова Г. М.* Методический запрос как форма регулируемого взаимодействия методики и лингвистики // Проблемы высшего технического образования: Межвуз. сб. науч. тр. / Под общ. ред. А. С. Вострикова. Новосибирск, 1995.

© **О. И. Коурова**

*г. Шадринск*

### ТРАДИЦИОННО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА

Представление о взаимосвязи языка и образа мышления человека, восходящее к идее В. Гумбольдта, гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, нашедшее отражение в трудах А. А. Потебни, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Н. И. Толстого, в полную силу заявило о себе в конце XX в. и привело к рождению лингвистического антропоцентризма. С его развитием существенно возрос интерес к проблемам взаимодействия языка и культуры, что подтверждается трудами Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. В. Воробьева, В. В. Красных, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, А. Т. Хроленко и др., рождением новой научной дисциплины — лингвокультурологии.

В состав базовых понятий лингвокультурологии современные ученые включают понятие *ментальность* в значении 'интеллектуальный мир человека, манера чувствовать и воспринимать его'. Цель доклада: рассмотреть традиционно-поэтическую лексику и фразеологию (далее — ТПЛФ) как средство романтического восприятия мира. В качестве источника использован «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» [1]. А. Вежбицкая [2] заметила, что показателем

специфических черт различных культур является частота употребления языковых единиц, наиболее частотные из которых она называет ключевыми словами, которые непосредственно соотносятся с ведущими ценностями культуры определенной эпохи. Как показал анализ, ТПЛФ с наибольшей частотностью была реализована в лирических жанрах романтической литературы конца XVIII — первой трети XIX в.

В семантическом плане ментальность, т. е. особенность мировосприятия и понимания действительности определенной эпохи, определяется составом и содержанием концептов, их коннотацией и культурными кодами.

Ведущими концептами исследуемой парадигмы явились концепты *жизнь, смерть, любовь, творчество, природа*, совпадающие с основными темами русского романтизма. Названные концепты реализуются преимущественно в образно-метафорических структурах, например: *жизнь* — это *странствие, пространство, временный промежуток, свет, радость, предопределение; юность* — это *весна, заря, утро, цвет; старость* — это *осень, закат, вечер; смерть* — это *сон, тьма, покой, разлука, потусторонний мир*. Концепты *жизнь* и *смерть* противостоят друг другу: если *жизнь* — это *свет, движение, бренность*, то *смерть* — это *тьма, покой, вечность*. *Любовь* в понимании романтиков — это *огонь, пламень, свет, нечто божественное, неземное, красота, мечта, наслаждение*, но и страдание (*отрава любви, яд любви, яд страсти*). В пределах концепта *творчество* в качестве примера представим две модели: *вдохновение* — это *дар, восторг, жар, огонь, пламень; поэт* — это *брат, вещун, любимец, наследник, питомец, служитель; сын Аполлона, аонид, Камены, муз, Феба*. Концепт *природа* включает такие номинации, как *небо* — это *бездна, завеса, лазурь, обитель, пучина; луна* — это *Диана, колесница ночи, лампада, ночное светило; солнце* — *дневное светило, Феб*.

Особенностью коннотации ТПЛФ является наличие нескольких компонентов: стилевого (традиционное употребление соответствующей системы преимущественно в поэзии), эмоционально-экспрессивного (положительно-оценочная окраска и экспрессия «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности»), образного (реализация в виде тропов) и культурного, связанного с романтическим направлением в литературе.

Концепты *жизнь, смерть, любовь, творчество, природа* преимущественно включают духовный, аксиональный, природный, временной, пространственный коды. Например, ведущим культурным кодом концептов *жизнь* и *смерть* является духовный, связанный с христианским представлением о земном мире как о временном, полном страдании пребывании человека на земле (*мир юдольный, странник, гость земной*) перед его уходом в мир лучший и вечный. Представления о конце жизни напрямую связаны с христианским (*испить чашу до дна*) и античным видением мира (*Парка, нить жизни*). *Любовь* — это *жар, огонь, пламень, свет, звезда, пламенник, светильник*; любовь нередко сочетается и с образом воды: *выпить чашу любви, вливать жар любви, пить любовь, пить негу и др.*, следовательно, ведущий, духовный, код имеет выход на древнее почитание огня, света и воды в славянской мифологии. Аксиональный код противоречив: *жизнь* человеческая, по представлениям поэтов конца XVIII — первой трети XIX в., печальна, но светла, она — время расцвета и увядания, она — ожидание лучшего в мире ином; *потусторонний мир* — это *мир лучший, рай*, но это и *ад, юдоль, обитель геенны*; *любовь* может быть *нежной, чистой, небесной, волшебной, сладкой, сладостной*, но она может быть *печальной, безотрадной, роковой, безумной*. Итак, психологическим инструментарием для выражения ментальности эпохи конца XVIII — первой трети XIX в. явилась ТПЛФ, представляющая романтический мир, противоречивый, но наполненный высокими устремлениями к красоте и гармонии.

### Примечания

1. Коурова О. И. Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи. Шадринск, 2001.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 38.

## О ДИСКУРСИВНОЙ СПЕЦИФИКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЦИОТВОРЧЕСТВА

(на материале вторичных текстов)

Материал исследования составляют вторичные дискурсивные тексты (ВДТ), производные от исходных прецедентных (ИПТ). Материал зафиксирован в форме граффити на не предназначенных для письма поверхностях (столах, скамьях, стенах, дверях учебных заведений) и рассматривается как продукт неформального студенческого дискурса. Предметом рассмотрения является стратегия освоения ИПТ, включающая принципы, способы, приемы актуализации социумно специфичных смыслов.

Одно из направлений продуцирования текстов в неформальном студенческом дискурсе — изменение условий конситуативного и контекстного функционирования прецедентных текстов, при котором смысловые модификации и тематическое варьирование текстов находятся под влиянием отличного от привычного социального и языкового окружения.

*Социальное окружение* (конситуация) мы идентифицируем с тем, что в научной литературе отражено в понятиях деятельностной ситуации, предметно-событийного фона (место, время общения, кто присутствует при общении, что происходит вокруг) [1], актуального референциального контекста (присутствие людей, объектов) [2], а также с информацией общего характера, связанной с ментальностью социума. Конситуативное функционирование мы представляем как омонимичное (в том числе омофонное) освоение прецедентных текстов, характеризующееся идентичностью плана выражения соотносимых текстов.

*Языковое окружение* (контекст) мы понимаем как расширенный фразовый контур. Последний представляет собой условные текстовые границы, соотносящиеся по количеству слов и/или предикаций, ритмико-синтаксической и звукобуквенной организации с анализируемым текстом. Контекстное функционирование мы рассматриваем как трансформативный процесс исходных поверхностных структур, осуществляемый за счет введения в текст различных контекстных расширений — от однословных

указателей до предикатных структур, обуславливающих новые интерпретации знакомых текстов. При этом исходный текст сохраняет поверхностную структуру и представляет собой фрагмент ВДТ. Под *поверхностной структурой* здесь мы понимаем совокупность звукобуквенного/лексического состава и ритмико-синтаксической организации текста. Например, в текстовой паре *Интим, досуг не предлагать* > *Интим. Досуг не предлагать* ВДТ демонстрирует сохранение поверхностной структуры исходного текста и границ фразового контура при синтаксической переорганизации и, соответственно, новом «интонировании» вторичного текста. В текстовой паре *Когда я ем — я глух и нем* > *Когда я ем — я глух и нем, хитер и быстр, и дьявольски умен...* при сохранении синтаксической организации текста наблюдаем расширение фразового контура за счет увеличения однородного предикативного ряда.

Как показывают наблюдения, прецедентные тексты, принимая статус дискурсивных, при воспроизведенной поверхностной структуре всегда имеют иное, в сравнении с ИПТ, смысловое развертывание.

При интерпретации ВДТ в условиях конситуативного влияния переосмысление опирается на представления о ментальности социума, определяющие интенциональность преобразований. Например, интерпретативные новации, связанные с известной поговоркой *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, обусловлены специфичным, вульгарным, значением глагола «иметь», не зафиксированным в словаре, но широко распространенным в неофициальной сфере устного, в том числе неформального студенческого общения. Знание факта востребованности подобных значений в социуме задает ракурс новой интерпретации текста. Кроме того, интерпретативные новации могут быть связаны с внешними преобразованиями, касающимися акцентуации, делимости на элементы, ритмико- и морфолого-синтаксической формы, отражения на письме просодических особенностей «произнесения». К таким преобразованиям относятся, например, новое паузирование синтагм, репрезентированное с помощью пунктуационных знаков: *Шла Саша по шоссе и сосала сушку* > *Шла Саша по шоссе и сосала... сушку*; новое членение слов: *Билл Гейтс* > *Билл — гей. Тсс...*; псевдочленение слов, вызывающее коммуникативно значимые ассоциации: *Девки ГОЛО-систые свели меня с ума* (намек на соотно-



симое словосочетание *голые сиськи* (грудь)); графическая передача просодических особенностей звукобукв или отдельных слогов, например «умножение» количества семантически и прагматически значимых звуков: *Сыт по горло* > *Ссыт по горло*.

При интерпретации ВДТ в условиях языкового влияния определяющим фактором осмысления является контекстное расширение ИПТ. Функцию расширения выполняют преимущественно указатели, выступающие в качестве эксплицированных интерпретативных ограничителей, например: *Вставай, проклятием заклеянный (Реклама «Виагры»); Заплатил налоги, спи спокойно (На надгробии)*, и новые предикатные структуры, репрезентирующие домысливание формально воспроизводимых ИПТ, например: *В ногах правды нет* > *В ногах правды нет, она между ними; Время лечит* > *Время лечит, но доктор — быстрее*. Функция текстового расширения заключается, в первую очередь, в очерчивании референтной сферы обновленных текстов, раскрывающей специфику тематического соотношения ИПТ и ВДТ. Специфика имеет следующие проявления: во-первых, редуцированное сохранение ВДТ в тематической сфере ИПТ — с дальнейшей конкретизацией, обобщением, иной аспектацией тематического «развертывания»; во-вторых, тематическая переориентация. Расширение выступает либо в качестве номинанта референтной сферы или предмета речи, либо в качестве подсказки для определения новой референтной отнесенности ВДТ. В ряде случаев расширение выполняет посредническую функцию вербализаторов, свидетельствующих о жанровой переквалификации знакомых текстов и одновременно о их референтном обновлении. Указатели в таком качестве используются, например, в текстах-репликах (*Мы с тобой одной крови. Чук и Гек*), текстах-загадках (*В темной комнате на белой простыне полтора часа удовольствия (кино)*), текстах-умозаключениях-утверждениях чего-либо (*Каждой твари по паре (О лекторе)*).

Резюмируя сказанное, следует отметить, что сохранение поверхностных структур ИПТ востребовано в неформальном студенческом дискурсе в качестве одного из способов продуцирования дискурсивного продукта и реализуется в условиях констатиативного и контекстно-конситуативного функционирования. Результатом подобного продуцирования являются новые интерпретации прецедентных текстов, результирующие передачу со-

циумно специфичных смыслов. Выявление последних есть одна из задач описания дискурсивной специфики социотворчества. Доминирующим вектором переосмысления прецедентных текстов является актуализация тематики, связанной с общечеловеческими, социальными табу, в частности, с тематикой физических любовных отношений, отправления естественных надобностей, отрицательного отношения к кому-, чему-либо, с современными общественными проблемами.

### Примечания

1. Долинин К. А. Интерпретация текста. М., 1985. С. 12.
2. Ван Дейк Т., Кинч В. Макростратегии // Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М., 1989. С. 54–55.

© А. Н. Лещева  
г. Екатеринбург

### НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Неопределенность как принцип — средство, рассчитанное на адресата речи, имеющее своей целью затруднить восприятие кода, составить сообщение таким образом, чтобы оно было оторвано от действительности, от прямой номинации, но указывало на вещи опосредованно. Вследствие формальных и / или семантических модификаций, происходящих в стихотворной речи, исходное сообщение кодируется при помощи определенных средств. Одним из таких универсальных средств поэтической речи является неопределенность, т. е. увеличение (по сравнению с классической поэзией XIX в.) проявлений разных форм семантического и синтаксического эллипсиса: семантическая неоднозначность тропа, неназывание предмета, места, времени, действия; замена имени местоимением; неопределенность отнесения признака, чувственного восприятия, точки зрения, предмета речи и др. [1].

Попробуем обозначить общие принципы возникновения девиации в стихотворной речи. Первое, что обращает на себя вни-

мание, — это неререферентный (точнее — сверхреферентный, преобразованный во вторую степень по отношению к реальности) и вместе с тем автореферентный характер знака в поэтическом тексте (далее ПТ): эстетическая установка на прием, поэтическая функция языка, оперирование ПТ к языку, существование художественного времени, художественного пространства и художественного события, ориентация поэзии на внутреннюю речь, реноминация. Таким образом, мы можем говорить о поэтической системе координат с присущими ей временем и пространством. Девиация в этом случае будет заключаться в относительности языковых явлений от выбранной системы координат.

Во-вторых, важным аспектом существования поэтической речи является наличие «вертикальных», парадигматических связей (принцип возвращения, особый порядок слов, деление на строки, повторы, звуковая семантизация) наряду с «горизонтальными» (единство и теснота стихового ряда, единичность контекстных значений, та же звукопись). ПТ предстает перед нами как системное явление [ср. 2] с присущим ему набором отношений. И. И. Ковтунова, например, указывает на наличие в стихотворной речи синонимии, омонимии, контекстуальной полисемии, семантической конденсации, возникающих из-за «частичной асимметрии между формой и функцией» слова [3]. Кроме формально-функциональной деформации, возникает и деформация структурная, связанная с выделением оси парадигматики.

И наконец, необходимой составляющей стихотворной речи является семантическая девиация (значимость любых элементов, восстановление внутренней формы слова, единство и теснота стихового ряда), объяснить которую, думается, проще всего на примере закона сохранения языковой энергии: количество языковой энергии в ПТ равно «произведению плотности массы единиц языка на квадрат скорости поэтических смыслов (произведение плана выражения поэтического текста на квадрат его плана содержания, где “квадрат” следует понимать как многослойную иерархию смысловой системы стихотворения» [4]. Как правило, небольшой объем стихотворения, высокая степень «информативности», изобразительности, одновременная реализация словом нескольких значений приводят к увеличению смысловой насыщенности ПТ, увеличивают степень его воздействия на читателя; смысл отрывается от формальных ограничений и пе-

реходит в сферу чистой энергии. Девиация в этом случае связана с установкой на изобразительность, на обязательную компрессию смыслов, на высокую степень асимметрии языкового знака, на бесконечность интерпретаций, принципиальную неопостижимость (то, что М. И. Шапир называл вечностью) ПТ.

Выводы:

1. Поэтический текст как знаковая сущность характеризуется сверхреферентными и автореферентными отношениями, что позволяет говорить об особом, поэтическом хронотопе, обладающем специфическим временем и пространством.

2. Поэтический текст как система обладает глубинными и поверхностными смыслами, реализующимися в синтагматических и парадигматических отношениях элементов структуры.

3. Сущностные особенности поэтического текста формируют особый идиом, отношения которого с естественным языком и языком художественной прозы определяются как различного рода девиации, преобразования, метаморфозы (в самом общем понимании это компрессия смыслов и увеличение языковой энергии), что приводит к возникновению денотативно-смысловых эллипсисов — различного рода неопределенности.

## Примечания

1. *Гаспаров М. Л., Дозорец Ж. А., Ковтунова И. И. и др.* Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 2003. С. 106–112.

2. *Казарин Ю. В.* Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). Екатеринбург, 2002.

3. *Ковтунова И. И.* Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М., 1986.

4. *Казарин Ю. В.* Последнее стихотворение: Антология-монография. Екатеринбург, 2004. С. 15–16.

## СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИКОНА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

(на материале эпоса Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец»)

Пространство как одна из фундаментальных категорий человеческого мировосприятия предполагает различные интерпретации, что связано с гносеологической проблемой отражения действительности сознанием человека. В эпосе «Властелин Колец» пространство становится организующим моментом и моделирует разные связи картины мира — временные, бытовые, социальные в субъективном авторском преломлении (модусное пространство). И значит, в центре стоит языковая личность создателя текста (субъектоцентрический текст) — это цементирующая сила, связывающая все детали и его целевые средства в цельную художественную систему, это фокус притяжения языковой экспрессии, так как авторская модальность формирует антропоцентричность текста, определяет общий фон.

Имя собственное в виртуальном пространстве «Властелина Колец», помимо фоновых знаний носителя языка, исходно усложняется творческим замыслом автора, который наполняет виртуальное пространство изначально концептуализированными топонимами, за каждым из которых определяются проекции мировой культуры. При исследовании семантического потенциала наиболее значимых топонимов виртуального пространства Толкиена мы можем дешифровать географическое имя собственное как **историко-культурный феномен**. Для анализа мы привлекаем ключевые топонимы, ставшие прецедентными: *Shire* (символ Добра, центр семантического поля '«свое» пространство'), *Mordor* (средоточие Зла, центр семантического поля '«чужое» пространство'), *Gondor* (человеческое государство, занимающее промежуточную область между Добром и Злом, своеобразная грань, пограничная область; в эпосе Толкиена выступает «последним оплотом» Средиземья в борьбе с Мордором).

Согласно теории Маргарет Мэгнус [1], звукосочетание **SH** в английской картине мира *«is like a **Shell** or **shelter** or **sheath**. It can **shield** you from harm, **shade** you from the sun, but it can also be **shallow**. Like other unvoiced sounds, it is preoccupied with forms,*

*appearances, shoulds and shouldn'ts. It reacts with shame, or shrugs it all off, shirks its duties, tosses it in the trash. And SH can shake and finally shatter, especially at the end of a word (bash, lash, smash, mush)».* Топоним *Shire*, таким образом, может быть представлен следующими семами, дешифрующими информацию, заложенную Дж. Р. Р. Толкиеном в Хоббитанию: 'оболочка', 'укрытие', 'пристанище', 'убежище', 'жалость', 'тень', 'полумрак'.

При проектировании виртуального пространства Мордора (*Mordor*) Дж. Р. Р. Толкиен учитывает не весь семантический потенциал согласного **M**, представленный в исследовании М. Мэгнус, наиболее значим для него смысл следующего отрывка: *М производит нечто из уже существующего. Это глина, формирующая вещи, волшебник, в совершенстве владеющий своим мастерством, Муза. Если опыт удачен, то в результате возникает нечто магическое, чудотворное, музыкальное. Но если что-нибудь происходит не так, то рождается чудовище. Это Человек, которого Бог создал из первобытной грязи и вдохнул в него жизнь.* Семантическое наполнение топонима *Mordor* на страницах эпopeи выявляет семы: 'волшебник', 'владелец', 'мастер', 'сверхъестественный', 'чудовище, изверг', 'грязь, слякоть', 'кромсать, искажать', 'месиво'.

Особо выделяет автор семантический потенциал топонима *Gondor*: по своему культурному влиянию и исторической роли — это носитель древних традиций, отбивающийся от наседающих с Востока врагов, Гондор — «модель» Византийской империи. Как отмечает М. Мэгнус: *«G is the Grail, the Void from which all things are given and into which all things eventually go. It is the Ground from which we mysteriously grow, the invisible Source. It is the Letter of the Throat. Its bottom is too deep to be seen. Its light is reflected. Its glances sidelong. B begins the process; D checks it; and G is the process itself ongoing. More often than not, English experiences imbalance with respect to Giving and Getting in the face of this vast and invisible place. It either gets greedy, filling itself with gunk and goo and gaudy garbage. A third of G reflects too much of something where it doesn't really belong. And another third reflects not enough where it's desperately needed: it is gaunt, gloomy, grumbling, the grave, the gallows».* *Gondor* — человеческое государство, занимающее промежуточную область между символом Добра — *Shire* и аллегорией Зла — *Mordor*, поэтому его смысловое наполнение

полярно: с одной стороны, мы можем вычленить семы 'Божья милость', 'Грааль', 'почва', 'блеск', 'празднество', 'величие, великолепие', 'доброта', с другой — 'жадный, алчный', 'исхудалый, изможденный', 'мрачный', 'смерть, крушение', 'виселица', что еще раз через семантическую вертикаль топонимического материала подчеркивает противоречивую природу человека, в котором органически соединяется божественное и низменное.

Толкиен осмысляет пространство своего мира как некую протяженность, ориентационное поле; окружающая его героев мифическая поверхность, взаимодействуя с героями, соучаствует в развитии действия, наполняется сверхъестественными явлениями, на ней и в ней разворачиваются события, осознаваемые в ретроспекции как история Европы и Азии. Создавая эпопею «Властелин Колец» с ее особой системой миропредставления, Толкиен строит свой мир в ассоциативной связи с историей реального мира, это способность к более полному постижению мировой культуры и истории: пространственные границы вырисовываются с топографическими подробностями на картах Средиземья.

### Примечание

1. *Magnus M.* A Dictionary of English Sounds [Электрон. ресурс]. Режим доступа: [//www.conknet.com/~mmagnus/](http://www.conknet.com/~mmagnus/).

© Г. М. Мандрикова  
г. Новосибирск

## ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АГНОНИМОВ

Изучая особенности современной коммуникации, исследователи сосредоточивают свое внимание на самых разных явлениях, наблюдаемых в речи носителей языка, благо, сложившаяся языковая ситуация предоставляет широкие возможности для различного рода лингвистических интерпретаций. Мы хотим обратиться к такому аспекту изучения современного словоупотребления, как знание/незнание, понимание/непонимание лексических единиц конкретной языковой личностью (ЯЛ). Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой агнонимии, т. е. такого

явления, когда для носителя языка какие-либо единицы являются незнакомыми или недостаточно освоенными [1]. Изучение лексических единиц в аспекте агнонии, с точки зрения наличия/отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании этих единиц, характера таких представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурной компетенции как отдельной ЯЛ, так и больших и малых групп, представляется весьма актуальным. Явление агнонии особенно характерно для современной языковой ситуации, когда целые пласты лексического и фразеологического фонда русского языка уходят из активного употребления, становясь, по сути, агнонами для некоторых (особенно молодых) носителей языка. Это приводит к тому, что в процессе реальной коммуникации такие носители языка испытывают определенные затруднения как при продуцировании речи, содержащей подобные единицы, так и при их восприятии. Представляется, что изучение агнонии должно базироваться на идее наличия своего рода лакун (лексических «пустот») в ментально-лингвальном комплексе (термин В. В. Морковкина) русской ЯЛ. Изучение показаний языкового сознания позволяет выявить реально существующие у языковой личности лакуны/пробелы/пустоты, выражающиеся в представлении об объеме лексического или фразеологического значений языковых единиц. Отчетливо прослеживается желание ученых увидеть за такого рода лакунами понимание того, что «для человека значение слова функционирует не само по себе, а как средство выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоционально-оценочных нюансов и т. д.» [2].

Обращение к исследованиям в области лингвистической конфликтологии показывает, что определенная (и немалая!) доля «коммуникативных разногласий» происходит по причине агнонии. В соответствии с утверждением К. Ажежа о том, что «деятельность партнеров заключается в совместном построении смысла» [3], следует, очевидно, говорить о точках коммуникативного согласования, когда языковые единицы, используемые говорящими, обладают или должны обладать общим денотативным и ментальным наполнением. Отсутствие подобных точек характеризует ситуацию «встречи» носителя языка с агнонима-



ми. При этом агнонимичность конкретной языковой единицы вовсе не является очевидной для самого носителя языка, использующего подобную единицу. Изучение агнонимии возможно проводить в рамках когнитивного подхода, позволяющего получить доступ к когнитивной структуре слова. Совокупность сем, передающих значение слова, выражается в определенных когнитивных/концептуальных признаках (по И. А. Стернину), отражающих фрагменты действительности. Так называемое речевое слово в акте коммуникации несет только те признаки, передача которых входит в интенцию говорящего/слушающего. При этом оказывается, что у каждого носителя языка может существовать набор собственных актуальных концептуальных признаков, хотя «необходима общепринятая системность значений слов, разделяемая социумом» (А. А. Залевская). Разница между конвенциональным и «личным» наборами признаков обнаруживается путем лингвокогнитивного анализа высказываний, содержащих агнонимы, или в результате проведения специальных экспериментальных исследований. Полученные данные — показания языкового сознания носителей языка — позволяют говорить о том, что в случае «неверного» употребления/восприятия слова мы имеем дело либо с семантическими сдвигами в значении слов, либо с агнонимией. В первом случае происходит актуализация и развитие тех или иных сем, представленных в конвенциональном значении, во-втором — говорящий использует звуковую/формальную аналогию, буквальное прочтение внутренней формы и другие, не имеющие отношения к семантике конкретной языковой единицы факторы. Следовательно, «личные» наборы когнитивных признаков в значении того или иного слова могут как коррелировать с кодифицированным набором, так и быть весьма далекими от него. Полагаем, что это может быть связано и с тем, что агнонимичность определенной лексической единицы для разных носителей языка неодинакова, она может быть более «сильной» или более «слабой», т. е. данное понятие внутренне градуируется.

Изучение функционирования единиц, обнаруживающих признаки агнонимичности, имеет большие перспективы. Однако без обращения к показаниям языкового сознания, с одной стороны, многие коммуникативные конфликты, имеющие «агнонимические» причины, остаются вне поля зрения исследователя, с дру-

гой — сам носитель языка остается в неведении относительно адекватности проявления своей языковой способности.

### Примечания

1. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. М., 2005. С. 232.
3. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003. С. 223.

© О. Г. Мехралиева  
г. Екатеринбург

### ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЦВЕТА В РАССКАЗАХ Н. А. ТЭФФИ

Цветообозначения в художественном тексте несут определенную нагрузку, влияют на его понимание. Основную текстовую функцию в формировании цветовой картины мира выполняет прежде всего лексика цвета.

Нами рассмотрены различные номинации, отражающие специфику передачи цвета в рассказах Н. А. Тэффи. Цвет является одним из средств, характеризующих персонажа косвенно, не напрямую, он помогает раскрыть своеобразие его внутреннего мира.

Рассматривая цветообозначения в рассказах Н. А. Тэффи, мы сталкиваемся с двумя сферами их функционирования. Это, во-первых, использование цветовой лексики в изображении внешнего выражения эмоций, проявляющихся в облике персонажа, его поведении (сопровождает внутреннее переживание эмоций), и, во-вторых, в изображении предметов туалета, одежды, личных вещей персонажей.

Н. А. Тэффи уделяет пристальное внимание отображению психологического состояния своих героев, ее интересует мир переживаемых персонажами эмоций и чувств. У Н. А. Тэффи всегда внутреннее состояние находит отражение во внешнем облике, поведении, а также в одежде персонажей. Соответствен-

но, сфера дамского туалета интересна нам как сфера проявления поведения, образа жизни героинь, отражающая их мироощущение и мировосприятие. Создавая женские образы, Н. А. Тэффи выделяет в их внешности деталь, признак, штрих, которые психологизируются. Портретный штрих, выступающий в роли характерологической детали, в каждом конкретном рассказе выполняет функцию доминирующего психологического признака и выступает в тексте как лейтмотив образа персонажа.

Многие исследователи отмечают важность в композиции произведения определенной детали. В частности, Б. Е. Галанов пишет, что «одна счастливо найденная точная и емкая деталь заменяет страницы описаний» [1]. Он отмечает, что с помощью вещей раскрывается для читателя духовный мир героя, что сам выбор предметов становится свидетельством духовной принадлежности своего владельца [2].

А. Вежицка писала о цвете, что это не универсальное человеческое понятие, но существуют некоторые «универсалии зрительного восприятия», которые могут быть описаны при изучении языков мира [3].

Изображение внешности персонажа в рассказах Н. А. Тэффи строится по принципу контраста, в котором участвуют три цвета: красный, белый и желтый (зеленый), которые символизируют две основные ситуации: возбужденное состояние — переживание счастья, герои здоровы (красный и белый цвет), и болезненное состояние (желтый цвет). Это может быть не только болезненное состояние, но и пребывание в каком-то текучем, аморфном состоянии, когда герои как бы спят и их мозг еще недостаточно восприимчив для полноценной жизни.

Среди предметов дамского туалета, имеющих цвет, важными являются те из них, которые, прежде всего, акцентируют внимание читателя на своем цвете.

Базовыми так же, как и в предыдущей сфере, являются красный и белый цвета.

Героини рассказов Н. А. Тэффи переносят свои эмоции в свой внешний облик, кардинально меняются, преображаются. В этом преображении основная роль принадлежит деталям одежды, туалета. Но, как известно, ни одна вещь не может существовать в отрыве от своего владельца. Через эти вещи раскрывается характер персонажей. Кроме детали в портрете также символи-

чен цвет, который проявляется как в одежде, так и во внешности и становится типичным и предсказуемым для читателя. Н. А. Тэффи создает яркие, своеобразные характеры, не похожие друг на друга.

### Примечания

1. Галанов Б. Е. Искусство портрета. М., 1967. С. 154.
2. Галанов Б. Е. Живопись словом. М., 1972.
3. Вежицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–232.

© Д. О. Морозов  
г. Екатеринбург

### ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО, СОДЕРЖАЩИЕ ПРЕФИКСОИД

1. А. А. Вознесенский относится к тем авторам, кто творчески работает со словообразованием, проявляет самостоятельность на словообразовательном уровне. Сравнительно небольшое количество окказиональных глаголов, содержащих приставки (79) и префиксоиды (12), позволяет продемонстрировать основные особенности окказионального словообразования на данном материале. Под префиксоидами понимаются высокочастотные связанные начальные компоненты сложений [1]. С приставками их роднит связанность, повторяемость, до известной степени нивелирующая словарное значение, а также валентность (так, элемент *видео* не присоединяется к глагольным основам).

1.1. Окказиональные глаголы, содержащие приставки, создаются следующими способами, как известными литературному языку, так и неизвестными ему: префиксация, префиксация с суффиксацией, префиксация с постфиксацией, префиксация с суффиксацией и постфиксацией, мена префикса, депостфиксация, сращение с префиксацией и суффиксацией. Глаголы, содержащие префиксоиды, образованы в результате сложения.

2. С точки зрения того, насколько окказионализм нарушает языковую норму, выделяются три степени окказиональности слова [2, 128]. К первой относятся случаи, когда нарушаются

требования к мотивирующей основе, чаще всего — ее частеречная принадлежность. У А. А. Вознесенского встречается несколько примеров такого рода: в отглагольных дериватах используется присущая прилагательным приставка *анти-*, присущая глаголам префиксоиды *взаимо*, *видео*: *анти-лей* [3, Va, 70] (как явствует из содержания стихотворения, императиву «лей» антонимичен «пей», что можно трактовать либо как текстовую антонимию, либо как результат изменения семантики префикса — со значения антонимичности на значение «производить действие, непосредственно следующее за тем, что названо мотивирующим глаголом»), *все взаимосвязывалось* [3, III, 168], *видеоживем* [3, III, 199], *видеоидет* [3, III, 200]. У префиксоида *видео*, судя по контексту, меняется семантика: им приобретает значение «совершать действие, названное мотивирующим словом, не искренне, напоказ». Отмечается, что окказионализмы нередко эксплицируют наиболее важные концепты, выражают авторское видение мира [4, 306–307]. Глаголы с первым компонентом *видео* соотносятся в текстах рассматриваемого поэта с мыслью о неподлинности существования в современном обществе, причем элемент *видео* сближается по семантике с префиксоидами *псевдо*, *квази*, *лже*. Нередко приаждективные в литературном языке конфиксы используются при создании отсущантивных дериватов: *светом наштукатурю* [3, II, 388], *мы не настолько опоросели* [3, IV, 218], *я жизнь не переабсурдил* [3, II, 390] (о возможности подобных окказиональных образований от существительных говорится в Русской грамматике [5, § 895]). Вызывают возражение с точки зрения нормы и те случаи, когда приставка присоединяется к глаголам, уже имеющим другую приставку: *душа заобмирала* [3, Va, 102], *соперировать* [3, III, 59], *отснились* [3, IV, 364], *повылечит трава* [3, II, 231].

2.1. Ко второй степени окказиональности относятся случаи, когда меняется словообразовательная семантика. Это у А. А. Вознесенского выражается в префиксально-постфиксальных и префиксально-суффиксальных дериватах: *издышался спинкой* [3, IV, 372] (отсутствует сема нежелательного состояния), *убили душу* <...> и *расшакалили в Госкино* [3, Va, 318] (семантика — «разъединить на части, уничтожить, действуя так, как тот, кто назван мотивирующим существительным» — не свойственна данному типу в литературном языке, хотя значение измельчения присут-

ствуется в некоторых глаголах — *распылить, расщепить*), и ты, *отудобев* [3, II, 97] (в литературном языке подобные образования мотивированы существительными, причем тип имеет значение разъединения, разрушения, отделения: *отщепить, отграничить* [5, § 894]; у А. А. Вознесенского присутствует семантика наделения признаком). Определенные изменения значения, как показано выше, возникают и при употреблении префиксоидов.

2.2. Третья степень окказиональности свойственна изобретенным автором примерам словообразовательного форманта. Часто это употребление неузualmente конфиксов: *опирсингуем кандидата* [3, IV, 330], *сфугуйте* [3, IV, 478], *схлещивай* [3, III, 297]. Встречаются и окказиональные способы словообразования. Один из них — депостфиксация (глаголы при этом становятся переходными): *фары сгрудят темноту* [3, II, 112], *XXI век к двум крестам св. Андрея присоседит минарет* [3, II, 395]. В одном случае для придания слову просторечной стилистической окраски у него усекается суффикс: *пришло ей время воскресть* [3, Va, 315]. Семантика противоположности создается за счетмены префикса на антонимичный: *распрограммируйся, зомби!* [3, III, 50]. Кроме того, с помощьюмены приставки может образовываться синонимичный глагол, отличающийся от мотивирующего стилистической окраской (просторечной): *что тут выправишь?* [3, Va, 318] — вместо узualmente «исправишь». В следующем примере между корнем и приставкой помещается дополнительная приставка *о* с неясным значением: *я вас сооблазнял идеей Бога* [3, IV, 416]. Единожды используется сращение в комбинации с префиксацией и суффиксацией: *фильмы поджеймсбондили* [3, I, 263].

3. Как видно, большинство окказионализмов А. А. Вознесенского создано с нарушением правил словообразования, существующих в литературном языке. Сходные нарушения возникают и у других авторов, так что можно говорить об исследовании и демонстрации поэтом потенциальных возможностей языковой системы. В будущем многие подобные отклонения могут перестать быть таковыми и войти в норму.

## Примечания

1. Лопатин В. В. О единицах морфемики // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 106–111.

2. *Намитокова Р. Ю.* Авторские неологизмы: Словообразовательный аспект. Ростов н/Д, 1986. 161 с.
3. *Вознесенский А. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2000–2003. Номер тома указывается римской цифрой, страницы — арабской.
4. *Ревзина О. М.* Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 303–308.
5. *Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

© **И. П. Морозова**  
г. Екатеринбург

## **ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

**(на материале посланий Президента Федеральному собранию РФ)**

Образ политического деятеля конструируется в глазах публики не только его реальными действиями, но и его речью. Поэтому на современном этапе развития российского общества изучение речевой коммуникации в общественно-политической сфере очень актуально.

Президентское послание — очень жесткий жанр. Он подразумевает подведение итогов года и постановку задач на следующий год или на ближайшие несколько лет. Послание — моралистический жанр, рассчитанный на создание определенного психологического настроения в обществе. Немаловажной является также цель привлечения к себе симпатий, уважения публики. Оратор стремится убедить избирателей в своей правоте, заручиться их одобрением и расположением.

Важную роль в реализации такой «программы» играет категория текстовой модальности. В определении этой категории мы следуем за И. Р. Гальпериным [1], который писал, что текстовая модальность выявляется тогда, когда «читатель в состоянии составить себе представление о каком-то тематическом поле, то есть о группе эпитетов, сравнений, описательных оборотов, косвенных характеристик, объединенных одной доминантой и разбросанных по всему тексту или по его законченной части».

Особенный интерес представляет соотношение категорий модальности и субъекта, взаимодействие этих категорий оказы-

вает косвенное речевое воздействие на слушателей/читателей, формируя у них определенное отношение к говорящему и к общаемому.

В текстах послания [2] можно найти несколько закономерностей:

1) субъект первого лица всегда окружен положительно-оценочным модальным полем;

2) субъект третьего лица всегда окружен отрицательно-оценочным модальным полем;

3) между субъектами первого и третьего лица наблюдается оппозиция, которая постоянно подчеркивается специальными лексическими средствами;

4) для усиления оппозиции «я — они» может быть использовано прямое обращение к оппонентам («вы», которое равно «они»).

Поясним на примере: *«Но, если мы действительно хотим сделать для граждан что-то полезное и нужное, предлагаю вам, отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем, и одна из них — демографическая, или, как точно выразился Солженицын, это в широком смысле “сбережение народа”»*. (Послание Федеральному собранию Российской Федерации Президента В. В. Путина от 11 мая 2006 г.) Здесь субъект первого лица выражен с помощью формы первого лица глагола (*предлагаю*). Модально-оценочное поле, которое окружает «я» (я = автор), — положительное. Положительная оценка создается за счет лексических средств: *важнейших, сбережение, полезное, нужное*. Однако в этом микротексте есть и третье лицо (автор использует форму «вы», это «воображаемое второе лицо», на самом деле, автор имеет в виду «они»). Использование «вы» в этом контексте усиливает воздействующий потенциал, потому что в этом есть проявление смелости оратора. Вокруг «вы» формируется отрицательно-оценочное поле: *распыляя ресурсы, амбиции*. То есть «я» — это народ, сбережение, полезное, нужное, а вы (они) — это амбиции и распыление ресурсов.

Одним из действенных способов косвенного речевого воздействия можно считать также цитацию, так называемую «ссылку на авторитет». Цитата, во-первых, позволяет разнообразить, оживить текст, привлечь внимание; во-вторых, является способом оценки (а точнее, цитируя, автор соглашается или не соглашает-



ся с той оценкой, которая есть в высказывании); и в-третьих, цитирование известных и уважаемых людей создает положительное ассоциативное поле, которое связывается с тем, о чем говорится. В риторике это мощный психологический аргумент.

В посланиях Федеральному собранию 2005, 2006 и 2007 гг. В. В. Путин цитирует Ф. Рузвельта, А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева, И. Ильина, С. Витте, Л. Петражицкого.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение речей политических деятелей с точки зрения приемов речевого воздействия — перспективное направление теории речевой коммуникации. Исследование в этом аспекте текстов ежегодных посланий Федеральному собранию Президента РФ представляет несомненный интерес, поскольку основная функция этих текстов — оценка ситуации в стране, формирование в сознании граждан образа государства и его руководителя.

### Примечания

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 256 с.

2. Исследование проводилось на материале посланий Федеральному собранию Российской Федерации Президента В. В. Путина от 25 апреля 2005 г., от 11 мая 2006 г. и от 26 апреля 2007 г.

© М. Ю. Мухин  
г. Екатеринбург

### ЧАСТОТНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ (СЛОВА, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ РАЗНЫХ АВТОРОВ)\*

В различных работах приводятся частотные списки слов, характерных для того или иного художественного текста. Любой текст отражает свой фрагмент действительности, но в основных номинациях предметов и явлений мира эти фрагменты должны пересекаться. Возникает закономерный вопрос: какие интегральные слова (группы слов) следует отсекаать при идиостиловом анализе, если выборка материала строится на основании критерия частотности?

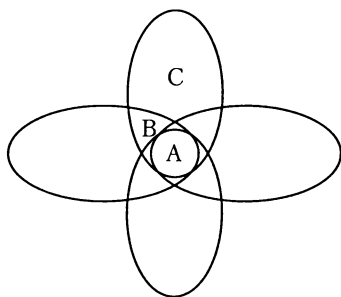
---

\*Исследование поддержано грантом Президента РФ МК-337.2007.6.

Подтвердить эту мысль и выстроить объективный список наиболее важных понятий, отражаемых в тексте, может только сопоставительный частотный анализ, проведенный на большом массиве словоупотреблений. При этом логично сопоставлять в одной группе тексты, написанные приблизительно в одно время.

Доклад отражает результаты лингвостатистического исследования, проведенного на материале 16 прозаических произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова, М. Шолохова, содержащих в сумме около 1,5 млн. словоупотреблений. Для рассмотрения взяты самые известные русские романисты XX в., произведения которых отражают состояние языка и текста, характерное для 1-й половины века.

Материал (знаменательные слова) ограничен нарицательными именами существительными и глаголами. Из каждого текста выбрано по 300 самых частотных лексем, соответствующих условию. Проведено сопоставление списков. Гипотеза заключается в следующем. Частотные ряды лексем, характеризующие произведения четырех авторов, распределяются в следующие группы (см. схему). Группа *A* — слова, часто встречающиеся в произведениях всех писателей, группа *B* — слова, объединяющие 2–3 писателей, группа *C* — лексика, характерная для одного автора и не характерная для всех прочих.



Проведен сопоставительный анализ, распределяющий лексический массив по количеству произведений, в которых слова оказываются частотными, и выбрана лексика группы *A* (в эту группу попадает около 100 слов типа *человек, мать, глаз, город, мочь, говорить, идти, знать*). Дана идеографическая характеристика выявленным словам.

Семантика частотных слов по природе антропологична. Обозначаемые процессы связаны с восприятием мира человеком, нахождением в пространстве, общением, социальными отношениями и т. п.

Полученный список сопоставлен с частотным словарем С. А. Шарова (<http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>), построенным на материале текстов разных функциональных стилей. Сделаны выводы о совпадениях лексических массивов и определенных различиях между ними.

Универсальную лексику (как бы частотна в отдельном романе она ни была) не стоит привлекать *без контекстологического анализа* для характеристики отдельного идиостиля. С осторожностью следует использовать подобные слова и для решения проблемы атрибуции текста. Если же семантическому анализу предшествует частотная выборка, она должна быть обязательно сопоставительной. Такая выборка выводит исследователя текста за рамки одного произведения или творчества одного автора, позволяет отсеять индивидуальные явления от общих, минимизировать влияние сюжета произведения на частотность слова.

Частотное, контекстологическое и концептуально-текстовое направления изучения текста должны не исключать, а гармонично дополнять друг друга.

© И. К. Мухина  
г. Екатеринбург

### **КОГНИТИВНО-ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ГОСТЕПРИИМСТВО» (на материале русских народных сказок)**

В рамках когнитивной лингвистики при анализе различных концептов достаточно активно используются методики, результатом применения которых является представление строения концепта в виде полевой структуры, включающей ядро, ядерную зону, зону ближайшей и дальнейшей периферии. В связи с этим не стоит забывать, что в обосновании возможности и необходимости применения полевого подхода к описанию язы-

ка в целом есть большая заслуга выдающегося русского ученого-лексиколога XX в. Эры Васильевны Кузнецовой. В своих работах Э. В. Кузнецова затрагивала такие вопросы теории семантического поля, как соотношение семантического поля и языковой системы, определение места семантического поля среди других парадигматических группировок лексики и др. Разработка теории семантического поля Э. В. Кузнецовой в дальнейшем способствовала появлению методики полевого анализа, которая начала активно применяться лингвистиками сначала для описания структуры отдельных семантических полей, а затем и для представления концептов и соотносимых с ними концептосфер.

Согласно концепции Л. Г. Бабенко, при моделировании полевой структуры концептосферы выделяется ядро — когнитивно-пропозициональная структура (далее КПС), содержащая минимальные знания о концептосфере. Проведенный нами анализ семантики лексико-семантических вариантов и фразеологических единиц, выделенных методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка и относящихся к ситуации гостеприимства, выявил, что ядром концептосферы «Гостеприимство» в русском языке является КПС, отображающая на ментальном уровне знания о ситуации приготовления пищи: *Субъект 1 (тот, кто угощает) — Субъект 2 (тот, кого угощают) — Свойство субъекта 1 — Предикат физиологического действия — Объект угощения — Помещение, предназначенное для приема гостей — Ритуальный предмет, используемый при угощении — Свойство процесса угощения — Словесное выражение отношения к ситуации угощения.*

Целью данного исследования было выявление особенностей КПС концептосферы «Гостеприимство» в русских народных сказках в сравнении с представлением данной ситуации словарным составом русского языка. Материалом для изучения послужили текстовые фрагменты, содержащие лексические и фразеологические единицы с семой «еда» и репрезентирующие ситуацию гостеприимства, из текстов русских народных сказок об Илье Муромце («История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике», «Илья Муромец и змей») из сборника А. Н. Афанасьева. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Количественный анализ лексических репрезентаций различных позиций КПС гостеприимства по данным русского языка показал, что всего к ситуации гостеприимства в русском языке относится 51 лексико-семантический вариант. Минимальное количество лексики, обозначающей микроситуацию «Гостеприимство», на наш взгляд, не свидетельствует о низкой значимости этого явления для носителей русского языка. Небольшое количество лексических репрезентаций обусловлено особой природой и характером такой номинации, которая, несомненно, является вторичной: «Гостеприимство» включается и в понятийную сферу социальных отношений, и в сферу «Еда». Ситуация гостеприимства является широко распространенной в русских народных сказках, поскольку их повторяющимся мотивом предстает испытание героя, а также встреча героя с дарителями чудесной силы или чудесными помощниками (советчиками). При этом гостеприимно принимать кого-либо могут как герой сказки, так и чудесные помощники и другие персонажи сказок. Таким образом, ситуация гостеприимства, несмотря на минимальную представленность лексическими и фразеологическими единицами в словарном составе русского языка, активно подвергается интерпретации в фольклорных текстах и вполне может считаться «культурно-обусловленным сценарием» (термин А. Вежбицкой), так как выражает негласные нормы русской культуры и специфические аспекты концептуализации мира.

2. В русских народных сказках представлены лексические репрезентации некоторых позиций КПС гостеприимства, обобщенной по данным современного русского языка: **Субъект 1** (тот, кто угощает) в сказках — это, во-первых, человек, наделенный властью, который оказывает гостеприимство герою в благодарность за его заслуги, в частности за ратные подвиги. *‘И приказал князь поднести чару зелена вина доброму молодцу’*. Во-вторых, это враг, который боится гостя-богатыря. *‘И увидел Соловей-разбойник и стал говорить: «Зятя мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти; лучше с покорностью попросите его в дом мой выпить чару зелена вина»’*.

3. На основе анализа фольклорных текстов по сравнению с изучением репрезентации ситуации гостеприимства в словаре можно выделить значительно большее число ментально значи-

мых позиций, входящих в КПС. Так, КПС «Гостеприимство» дополняется позицией *Процесс угощения*, которая репрезентируется прежде всего контекстами, содержащими существительные с включенной предикативной семантикой социального действия, обозначающие определенное празднество или торжество. *‘Встречают его [Илью Муромца] из града Чернигова граждане с честью, идет сам князь и воевода черниговский принимают доброго молодца с честью, благодарение господу богу воссылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы басурманския; взяли его в палаты свои, и сотвориша великий пир, и отпустиша его в путь’*. Кроме того, нетрудно вспомнить, что в русских народных сказках представлено своеобразное «расширенное» понимание ситуации гостеприимства, которая предполагает не только угощение, но и предоставление гостю крова, топление бани и т. д. Рассмотрев особенности некоторых позиций КПС «Гостеприимство» на материале русских народных сказок, можно утверждать, что процесс концептуализации, осуществляемый на материале художественных текстов, в том числе и фольклорных, по сравнению с описанием определенной концептосферы в словарном составе национального языка обладает спецификой, заключающейся, во-первых, в расширении состава позиций КПС, а во-вторых, в особенностях категоризации текстовых репрезентаций ее основных позиций.

© С. Р. Омельченко  
г. Волгоград

## ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВА\*

В связи с утверждением общей для современной науки тенденции гуманизации знания в лингвистике все большее значение приобретает антропологическая парадигма исследования языка. В антропологическом ракурсе рассматривается не только

---

\* Исследование проводилось при поддержке РФФИ, грант № 04-06-96511, и поддержано РГНФ и Администрацией Волгоградской области, грант № 07-04-20401 а/В.

проблематика новых, так называемых пограничных наук (антропологистика, лингвокогнитивистика, лингвокультурология, психолингвистика и т. д.), но и традиционная лингвистическая проблематика, касающаяся становления, устройства и функционирования языка.

Одним из видов антропологической интерпретации языковых единиц можно считать метод моделирования. Интерпретация представляет собой получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, отличного объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний [1].

В основе предпринятой нами в рамках антропологического подхода функционально-семантической интерпретации ментальных глаголов, употребляемых в речи казаков Нижнего Поволжья [2], лежат принципы исследования глагольной лексики, разработанные учеными двух научных школ. Первая из этих школ создана С. П. Лопушанской [3], концепция которой о сосуществовании и изменении смысловой доминанты языкового сознания дала возможность установить нам смысловую структуру слова, употребляемого в литературном языке и диалектной речи, проследить происходящие в процессе функционирования ментальных глаголов семантические изменения модуляционного или деривационного характера. Вторая школа связана с именем Э. В. Кузнецовой, теоретические взгляды которой были развиты ее учениками (Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин и др.), внесшими неоценимый вклад в разработку комплексного изучения системной организации глагольной лексики и ее лексикографическое описание [4]. При помощи экспериментального синтаксического словаря, составленного Л. Г. Бабенко и ее коллегами [5], нами были описаны семантические модели предложений с ментальными глаголами-предикатами.

В результате предложенная нами концепция этноязыковой ментальности позволила установить системные и функциональные свойства ментальных глаголов, обнаруживающих присущую им смысловую доминанту, в качестве которой выступает категориальная сема 'осуществление ментальной деятельности', участвующая в формировании имманентных предикатных структур, эксплицируемых на синтаксическом уровне. Комплекс раз-

ноуровневых признаков представлен в виде общей семантической модели **субъект мыслящий — процесс мысли — объект мысли**, которая отображает идею типовой ситуации и эквивалентна определенной синтаксической конструкции.

В зависимости от модуляционных или деривационных семантических изменений, которые происходят в смысловой структуре глагольных словоформ, функционирующих в речи нижеволжских казаков, выделены три типа ментальных глаголов (собственно ментальные, функционально-ментальные и этноментальные).

Экстралингвистические факторы (интенциональность мысли и этнокультурные детерминанты), а также языковая специфика, связанная с представленностью ментальной семантики в прямых и переносных значениях, послужили основанием для формирования функционально-семантического поля, имеющего структурные части в соответствии с выделенными типами ментальных глаголов.

В рамках функционально-семантического поля ментальные глаголы структурно организованы в различные по рангу лексико-семантические множества (ЛСГ, синонимические и антонимические ряды), которые образуют лексико-семантическое пространство ментальных глаголов. Базовые семантические модели предложений и их лексико-семантические варианты (основные, совмещенные, образные, специфические и этноспецифические), тождественные семантике определенной ЛСГ ментальных глаголов, являются основными средствами выражения денотативного пространства ментальных глаголов в составе рассматриваемого функционально-семантического поля.

## Примечания

1. Демьянков В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М., 1985. С. 4 (электрон. версия).
2. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
3. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Русский глагол: история и современное состояние. (Науч. шк. Волгоград. гос. ун-та). Волгоград, 2000. С. 20–29.
4. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997; Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999.
5. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.



## ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

В современном мире активно происходит интеграция, проникновение одной культуры в другую. Следствием этого является появление на рынке не только отечественной рекламы, но и рекламы зарубежного производства. Естественно, возникает необходимость перевода такого рода текстов. Однако необычность, яркость, художественность рекламных текстов делают их часто трудно переводимыми.

Художественная ценность рекламной фразы складывается из тех художественных приемов, которые использовал при ее создании автор. Рифма, особый ритм, метафоры, сравнения, игра слов делают рекламный слоган более запоминающимся, легким для восприятия и одновременно с этим во многом безэквивалентным при переводе.

Сложности начинаются тогда, когда название фирмы или продукта рифмуется: *Кофе Жокей — смотри на жизнь веселей; Don't wait to be told you need Palmolive Gold*. Редко получается так, чтобы при переводе удалось сохранить и форму, и содержание, как удалось при передаче слогана компании «Жиллетт» (*Gillette — the best the man can get* → *Жиллетт — лучше для мужчины нет*), поэтому возникают неизбежные потери.

В рекламных слоганах активно используются метафоры (*Design can talk. Loadingstone; Children's shoes have far to go. Start-Rite Shoes*), сравнения (*Like a good neighbour State Farm is there. State Farm Insurance*), намеки на фразеологизмы (*Мы не делаем из мухи слона — мы делаем рабочие сайты. Твой сайт*). Для создания слоганов могут быть привлечены строки из песен (*All you add is love. Purina Dog Chow* ← *All you need is love*), пословицы (*There is no place like Hilton* ← *There is no place like home*), устойчивые словосочетания (*Чтобы быть в тонусе, надо, чтобы «Тонус» был в тебе*) и другая фоновая информация. И так как они уже знакомы потребителю, он неосознанно верит и быстро привыкает к тем рекламным текстам, в которых они используются. Однако данные тексты не будут «старыми знакомыми» для представителей другой лингвокультуры. Переводчику придется

немало поработать, прежде чем данные слоганы удастся как-то адаптировать для потребителей из других стран. Переводчику необходимо знать не только сам язык, но и владеть социокультурным кодом того сообщества, для которого он передает рекламный текст.

Немало сложностей представляет перевод слоганов с аббревиатурами: *Be with AIB (Allied Irish Bank); The WaMu way (Washington Mutual); No FT, no comment (Financial Times)*. Отличительными особенностями слогана являются краткость, самостоятельность и возможность существовать изолированно. Перевод же данных рекламных текстов без комментария, расшифровывающего аббревиатуру, не всегда будет понятен.

Игра слов является одним из излюбленных приемов при создании слогана. Количество слов в рекламном тексте ограничено, и именно игра слов придает простому тексту некоторую изюминку, некоторый второй смысл: *Spend a night not a fortune. Econo lodge; Мы решим ваш половой вопрос. Дом паркета; Живи без проколов. Лекарство от гайморита «Синуфорте»*. В данных слоганах обыгрывается многозначность лексических единиц «spend», «половой», «прокол». В слоганах могут быть использованы новообразованные лексические единицы, которые несут свой смысл, но которые не всегда возможно перевести без потери: *Play beyoung. Play station 3; The orangethemostest drink. Fanta*.

Рекламные слоганы могут быть ориентированны на разных по возрасту потребителей. Нередко в рекламе для молодежи используется сленг или текстинг: *I don't wanna grow up, I'm a Toys'R'Us kid. Toys'R'Us; WotalotIgot. Smarties*. При переводе данных слоганов во избежание потери эмоциональности текста, его ориентированности на конкретное поколение переводчику приходится по возможности сохранять или же компенсировать данную особенность текста.

Переводчик сталкивается с переводом слоганов, содержащих символы (*Живи здорово. УК «Барс Капитал»*), иностранные слова (*Brend есть бренд. РИА РосИнфоМедиа*), имитацию звуков (*Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is. Alka Seltzer*) и многое, многое другое.

Итак, мы видим, что, несмотря на то, что реклама постепенно становится универсальным языком для разных лингвокультур, не существует универсальных приемов перевода рекламных сло-

ганов. В каждом конкретном случае переводческая задача решается по-разному, с учетом контекста, фоновой информации, с учетом мастерства и эрудиции переводчика.

© В. Б. Попова

г. Челябинск

## **О СЕМАНТИКЕ НАРЕЧИЙ ВРЕМЕНИ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Исследования в рамках устоявшегося понятия «семантическое поле» имеют направленность на выявление закономерностей функционирования языковых единиц и языковых моделей в речевых построениях при решении определенных коммуникативных задач.

Лингвистическая наука на каждом этапе своего развития дает все более приближенное представление о реальной языковой системе. Известно, что любая система сначала должна исследоваться во взаимоотношении с внешней средой, а уже затем внутри своей структуры. Этот принцип – последовательного продвижения по этапам системы – должен соблюдаться и при изучении наречий времени.

Сопоставительные исследования языков интенсивно продолжают и стали в последние десятилетия одним из наиболее перспективных направлений языкознания. Для настоящего исследования, помимо общих публикаций по теории сопоставительного языкознания, оказались значимы труды по проблемам сопоставления языков восточных и западных славян. В его основу положены принципы системности, терминологической адекватности, достаточной глубины сравнения, учета родства и типологической близости, положительного и отрицательного переноса лингвистических значений, учета функциональной дифференциации.

Актуальность обусловлена тем, что сопоставительный структурно-семантический и функциональный анализ наречий времени в русском и чешском языках и определение места этих наречий в функционально-семантических полях темпорально-

ти представляет значительный интерес в плане более глубокого понимания механизмов функционирования семантических категорий.

При сопоставительном анализе родственных языков, для которых характерен параллелизм основных грамматических средств (наличие форм настоящего, прошедшего и будущего времени, трехчленное противопоставление — одновременность действия с моментом речи, предшествование и следование по отношению к нему), особый интерес представляют частные функционально-семантические различия. Поэтому актуальным становится рассмотрение не столько признаков очевидного сходства изучаемых явлений в чешском и русском языках, сколько определение тех характеристик, в которых проявляются иногда очень тонкие функциональные различия.

Функционально-семантические соответствия наречий времени в переводах обнаруживаются при помощи приемов сопоставительного изучения семантики и прагматики языковых единиц, относящихся к функционально-семантическому полю темпоральности, и выявляют некоторые общие закономерности, касающиеся сочетаемости наречий с видовременными формами глагола.

Наречия времени могут выражать временные значения, соотносительные, сходные с грамматическим значением глагольных временных форм, но в наречиях времени дифференциальные семантические признаки одновременности, предшествования, следования являются не всегда доминантными, они могут быть и вторичными, относительными, так как проявляются параллельно с их конкретным лексическим значением.

Наречия времени полностью сохраняют специфику своего уровня и служат уточнителями, или конкретизаторами, временных отношений действий и событий реальной действительности, но соотносительность временных значений с грамматическими значениями не говорит о полной аналогии. Состав сем наречий времени и глагольной формы не всегда совпадает и наблюдается лишь соотносительность отдельных сем.

В составе функционально-семантического поля темпоральности объединяются разные языковые средства, принадлежащие к разным лексическим и грамматическим классам: видовременные формы глаголов и обстоятельственные наречия времени, а

также предложно-падежные конструкции и т.д. Функционально-семантическое поле темпоральности в своем составе имеет микрополя, элементы которых характеризуются наличием общих свойств и общих функций.

Сегодняшняя семантика — это область, в которой гораздо больше теорий, чем бесспорных результатов и обобщений. В семантике, как замечает Э. Сааринен, мы сталкиваемся с широким спектром соперничающих идей, взаимосвязи которых остаются в большей степени неисследованными, и, далее развивая свою идею, Э. Сааринен добавляет, что в семантике нет единой, не выражающей сомнений, заранее заданной «дотеоретической базы данных», так что следует подождать, к чему сведется дело при анализе конкретных языковых данных [1].

### **Примечание**

1. *Сааринен Э.* О метатеории и методологии семантики. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 128

**© М. В. Слаутина**  
*г. Екатеринбург*

### **«ЧЕЛОВЕК РЕЛИГИОЗНЫЙ» В РУССКОЙ СИНОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В докладе будут рассмотрены синонимические отношения в сфере религиозной лексики. Материалом исследования послужили словарные статьи Большого толкового словаря синонимов русского языка, созданного силами межвузовской проблемной группы «Русский глагол» под руководством д. ф. н., проф. Л. Г. Бабенко.

В языковой концептуализации мира важное место занимают отношения отождествления (синонимия). Отмечая перспективность идеографического описания синонимических рядов внутри семантических групп и полей, Л. Г. Бабенко указывает, что «не все фрагменты реального мира в равной степени находят отражение в синонимической картине мира», поэтому создание идеографического словаря синонимов помогает «выявить лек-

сические приоритеты в отображении действительности, особенности национальной картины мира» [1, 19].

В синонимической картине мира находят отражение отношение человека к религии как форме общественного сознания и определенной религиозной конфессии, место в церковной иерархии, участие в обрядовой жизни, образ жизни, поведение относительно норм религиозной нравственности и оценка этого поведения.

В разных языках парадигматические группировки лексики, в том числе синонимические ряды, обладают различной «семантической плотностью», которая понимается как «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [2, 7]. Речь идет об отражении в семантическом комплексе синонимического ряда различных аспектов обозначаемого явления.

В качестве примера рассмотрим синонимический ряд *религиозный, верующий, набожный, благочестивый, богомольный, богобоязненный, богобоязливый, боголюбивый, молитвенный*, который включает прилагательные, характеризующие человека по отношению к религии, нормам религиозной жизни. Семантическая идея ряда формулируется следующим образом: *искренне верящий в Бога, соблюдающий Божьи заповеди, участвующий в жизни церкви, исповедующий религиозные догматы и строящий свою жизнь в соответствии с ними*. Однако в семантике входящих в ряд синонимов актуализируются различные компоненты, что подтверждается контекстологическим анализом. Так, прилагательные *религиозный, верующий*, обладающие наиболее общей семантикой, в большей степени отражают внутреннюю жизнь человека, его религиозные убеждения. Ср.: *А я, как верующий человек, не хочу проливать чью бы то ни было кровь и всего менее кровь моих подданных* (Алданов). *Но я, как человек верующий, не могу в таком важном деле поступить противно христианскому закону* (Л. Толстой). Семантика лексем *богомольный, молитвенный* отражает внешнюю, обрядовую сторону религиозной жизни. Внутренняя форма данных лексем репрезентирует представление о молитве как главной составляющей обрядовой жизни верующего человека. Ср.: *На старости лет стал очень богомолен и, когда не работал в саду, читал Священные книги* (Алданов). *Богомольная хозяйка при упоминании имени Божьего*

*тотчас же набожно склонила голову, стала торопливо креститься (Шолохов). «Молитвенный старичок, а грех-то за плечами», — глубокомысленно заметил Гаврила Иванович, аппетитно зевая (Мамин-Сибиряк). Прилагательные боголюбивый, богобоязненный и богобоязливый характеризуют человека не просто верующего, соблюдающего Божьи заповеди, но искренне любящего Бога, старающегося не совершать грехов из страха Божьего. О, добрый Тимофей, я знал тебя всегда боголюбивым, отцелюбивым, благожелательным, задушевым, бесхитростным, верным, сострадательным к блаженному отцу нашему, ко мне, грешному, и к боголюбивейшему архиепископу (Преп. Феодор Студит). Богобоязненные старые мещанки крестились (Короленко). Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых (Гоголь). «Богом ей так назначено», — отвечал богобоязливый отец Прохор (Лесков). В семантике лексем набожный, благочестивый, характеризующих человека не только по отношению к религии, нормам религиозной жизни, но по отношению к другим людям, актуализируется оценочный компонент. Если благочестие оценивается только положительно, то излишняя набожность может получать отрицательную оценку со стороны окружающих, потому что набожному человеку свойственна не только вера в Бога, но и склонность к суевериям. Ср.: Тихая, скромная, благочестивая, строго соблюдавшая обряды церкви, милосердная к бедным, была она доброю хозяйкою, верною женою и не столько мачехой для своей двенадцатилетней падчерицы Дианоры, сколько нежною матерью (Мережковский). Она была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света; <...> не ела ни телятины, ни голубей, ни раков, ни сыру, ни спаржи, ни земляных груш, ни зайца, ни арбузов, потому что взрезанный арбуз напоминает голову Иоанна Предтечи (Тургенев).*

Семантический комплекс лексем, называющих и характеризующих человека по отношению к религии, религиозным нормам, отражает идею свободы выбора: человек предстает как активное, деятельное существо, живущее в соответствии с заповедями Бога или отвергающее их. Жизнь верующего воспринимается и оценивается через призму религиозно-нравственных норм, при этом в большей степени представлена положительная оцен-

ка. Интересно отметить, что негативную оценку получает не только отсутствие веры в Бога или нарушение Божьих заповедей, но и излишняя приверженность религии, увлеченность внешней, обрядовой стороной религиозной жизни.

Отношения полного синонимического тождества в языке — явление достаточно редкое. Номинируя объекты действительности, человек выделяет в них различные стороны, что обуславливает множественность наименования одного явления. В семной структуре входящих в ряд лексем актуализируются разные компоненты, обуславливая семантические различия синонимов. Множественность и вариативность наименования какого-либо фрагмента действительности свидетельствует о его важности для носителей языка. Описание синонимических рядов, относящихся к религиозной лексике, позволяет, на наш взгляд, выявить лексические приоритеты в отображении фрагмента действительности, связанного с религиозной жизнью человека.

### Примечания

1. Бабенко Л. Г. Концепция идеографических словарей, разрабатываемая уральской семантической школой // XIV Кузнецовские чтения: Материалы расширен. заседания теорет. семинара «Русский глагол», 29 сент. — 1 окт. 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 11–21.

2. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.

© С. В. Соколова  
г. Москва

### О ШКАЛЕ ПРИЧИННО-ЦЕЛЕВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

Многие лингвисты, занимающиеся проблемой описания причинных и целевых конструкций в русском языке, обращали внимание на то, что в некоторых случаях различие между причиной и целью нейтрализуется, ср.: *Я поехал в театр, чтобы развлечься* и *Я поехал в театр, так как (потому что) хотел развлечься*.



ся [1]. Было также отмечено, что в реальной речи при вопросах вида *Почему Р?* ответ может строиться с использованием целевой конструкции и наоборот (*Почему он вымыл посуду? Чтобы помочь матери; Зачем ты берешь с собой зонт? Потому что вечером обещали дождь*) [2–4].

О тесном взаимодействии смысловых категорий причины и цели свидетельствует и наличие в русском языке вторичных лексикализованных местоименных форм *к чему, на что, с чего, чего, что*. Как правило (прежде всего это касается форм с предложением), новое значение вопросительной местоименной лексемы тяготеет к значению какого-то одного местоименного слова (либо *почему*, либо *зачем*) и именно посредством этого слова объясняется в словарях [5–6]. Однако в случае лексем *что/чего* наблюдается интересная вариативность значений причины и цели: *Что так поздно пришла?* — ‘Почему так поздно пришла?’; *Ну что пришла?* — ‘Зачем пришла?’ Все это заставляет нас задуматься о том, что граница между целью и причиной довольно размыта и средства передачи того или иного причинно-целевого значения можно представить на градуальной шкале, где важное место занимают местоименные лексемы. Семантические и функциональные особенности таких лексем, как нам кажется, еще не достаточно были изучены. Представляется важным определить наиболее типичные контексты употребления каждой лексикализованной единицы со значением цели и причины и выявить ограничения на ее употребление.

По всей видимости, главное различие первичных и вторичных местоименных лексем со значением цели и причины в их прагматике. Так, например, *к чему* употребляется в тех случаях, где не столько ставится вопрос о назначении действия или явления, сколько подчеркивается его ненужность, избыточность, ср.: *Казалось бы, к чему слова, этот вопрос решил бы сам собой в самое ближайшее время*. Поэтому именно вторичные лексемы, как правило, употребляются в номинативных и инфинитивных предложениях, более экспрессивных по своей семантике, чем двусоставные предложения (ср.: *С чего вдруг такая любовь?* — ‘Почему вдруг такая любовь?’; *На что мне ваши советы?*; но *Зачем ты мне врешь?* — ‘К чему ты мне врешь?’; *Зачем ты скрываешь правду?* — ‘К чему ты скрываешь правду?’; при этом лексема *к чему* возможна с указанными глаголами, если

речь идет об инфинитивных предложениях: *К чему скрывать правду?*; *К чему врать?*).

Значение вторичной местоименной лексемы во многом зависит от характера предлога (внутренней формы лексикализованных единиц). Так, конструкции с предлогами *на* + Асс и *к* + Dat изначально выражают направление, что способствует их переходу в целевые конструкции, а сочетание *с* + Gen обычно указывает на место, предмет, явление и т. п., откуда направлено движение или действие, отсюда возможность обозначать источник какой-либо информации («на каком основании, откуда»), и, наконец, причину. Помимо семантики лексикализованной единицы, значение предлога определяет и типы предложений, в которых эта единица употребляется. Например, «предметное» значение предлога *на* обуславливает частотность употребления этой лексемы в номинативных предложениях: *На что мне подарки?*; *На что мне все богатства мира?* и т. д. [7].

Таким образом, можно говорить о том, что наряду с первичными лексикализованными местоименными словами *зачем* и *почему* в русском языке формируется группа вторичных лексикализованных единиц, тесно связанная с языковой прагматикой. Первичные и вторичные местоименные единицы образуют своего рода шкалу, передающую спектр значений цели и причины.

## Примечания

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 24.
2. Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопр. языкознания. М., 1989. № 6. С. 49–54.
3. Левонтина И. В. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 162–238.
4. Бьяджини Ф. ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ в современном русском языке: причина, мотив, цель // Русская филология — 18. Тарту, 2007. С. 171–176.
5. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
6. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
7. Целевые конструкции с предлогом *на*, как правило, используются при указании на какой-то конкретный предмет или мероприятие (*продукты на пирог, деньги на свадьбу*). Поэтому они чаще включают предметные существительные, чем более привычный для обозначения цели предлог *для*: *Дай мне деньги на фотографии. Их давно напечатали, надо забрать*.

**НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОСНОВА  
ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА АВАНГАРДА**  
(на материале поэзии В. Хлебникова и Д. Ревякина)

Словотворчество в художественной речи — это явление типичное, ведь основной функцией слова в поэтическом тексте выступает реноминация окружающего мира, об этом писала, например, М. А. Бакина [1]. Поэтическое слово всегда является «концентратом смысла», рождая дополнительные ассоциации, делающие его более значимым и «нагруженным».

Авторские неологизмы становятся одной из характерных черт поэзии авангарда, основой нового поэтического языка, который авангардисты пытаются создать, и несут на себе две основные функции: экономии речевых усилий (что позволяет выразить многослойные поэтические образы однословно) и поэтической выразительности.

Мы выбрали для рассмотрения творчество двух поэтов: В. Хлебникова и Д. Ревякина, для которых процесс создания новых слов носит системный характер. Также при сопоставлении этой пары художников слова можно проследить процесс трансформации поэтических неологизмов, выявить наследуемые и отвергаемые элементы, а также выяснить, какие языковые новшества придумал «наследник» В. Хлебникова Д. Ревякин. Предметом исследования стали особенности словотворчества указанных поэтов на уровне формы языковых единиц (морфемные и словообразовательные особенности). В качестве материала исследования были взяты стихотворные произведения В. Хлебникова 1908–1918 гг. (как наиболее насыщенные интересующими нас лексемами) и песенные тексты Д. Ревякина из альбомов «Выворотень» и «Пояс Ульчи» (выбор также обусловлен насыщенностью текстов неологизмами).

Сопоставление поэтических систем было проведено по трем параметрам: наследуемые явления, трансформируемые явления, отвергаемые принципы/создание собственных неологических явлений. За отправную точку мы примем поэзию В. Хлебникова, за «культурное наслоение» — поэзию Д. Ревякина.

В качестве наследуемых явлений можно обнаружить «гото-

вые» лексемы (например, у Хлебникова: «В пору, когда в **вырей** времией умчались стаи...» и у Ревякина «Щеки готовы сечь **вырей...**»), способы образования лексем (например, «скорнение»: у В. Хлебникова стихотворение «Заклятие смехом», у Ревякина такие ряды слов, как «воля — волить — воль», «реветь — ре-вень — реваные чоки» и др.), использование неавторских способов словообразования (и В. Хлебников, и Д. Ревякин активно пользуются усечением лексем для актуализации значения корня) и др.

Д. Ревякин не во всем следует за своим «учителем», он модернизирует некоторые его изобретения в сфере словотворчества. На нашем материале можно проследить частичное наследование принципов звукосемантического словотворчества. У В. Хлебникова это были чисто звукоподражательные слова, не имеющие прямого лексического значения [2], а Д. Ревякин наделяет подобные лексемы семантикой и в ряде случаев предметной образностью. Ср.: «Онон» или «Дарза» (названия рек, переносимых на названия «божеств», покровительствующих этим рекам, а также на названия территории и жителей — «ононцы») у Д. Ревякина и «бобозби» и «гзи-гзи-гэзо» (фоносемантические образования) у В. Хлебникова.

И наконец, можно выявить отвергаемые Д. Ревякиным в наследии В. Хлебникова явления, например, отказ от чистого звукосемантизма (так называемой фонетической «зауми»), стремление вписать творимые слова в смысловые, а не ассоциативные ряды (ср. «пиц пацо» у В. Хлебникова и «венч» у Д. Ревякина). Также Д. Ревякин отказывается от неологизмов в «идеологичности» (вспомним знаменитый манифест кубофутуристов «Пощечина общественному вкусу»), делая их только средством поэтической выразительности.

Сопоставив поэтические системы В. Хлебникова и Д. Ревякина, мы можем сделать вывод о том, что в основе своей они схожи, мы имеем дело с частичным наследованием особенностей словотворчества, но при этом можно говорить и о принципиальных различиях. Так, словотворчество Д. Ревякина приближается к естественному языку, в то время как слова, создаваемые В. Хлебниковым, носят демонстративно-экспериментальный характер, вписываются скорее в ряды ассоциативных отношений, чем смысловых.

## Примечания

1. Бакина М. А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М., 1977. С. 89.
2. Степанов Н. Велимир Хлебников. М., 1975. С. 158.

© Н. В. Царегородцева  
г. Екатеринбург

### ПРОБЛЕМЫ МЕЖЧАСТЕРЕЧНЫХ АНТОНИМОВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Преодоление еще одной ступеньки на пути широкого понимания антонимов связано с разработкой вопроса о грамматической асимметрии в области антонимии, т. е. о способности антонимов преодолевать границы частей речи.

Возможности для выявления и обоснования реальности межчастеречной антонимии исследованы в работах ряда ученых (В. А. Иванова, З. Г. Кеворкова, Е. Н. Миллер, В. И. Скибина и др.).

Выявляя тождество и различие категориальной специфики слов-антонимов, относящихся к разным частям речи, Е. Н. Миллер, в частности, указывает, что в отличие от одночастеречных антонимов, у которых выделяются симметричные, общие и противоположные семы, у межчастеречных антонимов при тех же общих и противоположных семах можно выделить асимметричные семы (например, наименование «качества» или «предмета» у прилагательных и существительных) [1]. Примером использования межчастеречной антонимии служит такой фразеологизм, как *folly is wise in her own eyes*, где употребляются антонимичная пара «существительное и прилагательное» с общей семой «интеллектуальные способности человека», по которой они противопоставляются.

В исследуемых нами оппозитивных фразеологизмах английского языка используется эффект контраста. Как известно, антонимичные пары слов являются основным «строительным материалом» для создания такого эффекта, поскольку именно они дают возможность выразить противопоставление самых разнообразных оттенков человеческих чувств и мыслей, поступков и отношений.

Вслед за Е. Н. Миллер мы включаем межчастеречные антонимы в исследуемый материал. Например, *idle folk have the most labour, sometimes the best gain is to lose*. В первом случае асимметричными являются грамматические семы «признак» — «субстанция», во втором — «субстанция» — «действие», и слова, находящиеся в отношениях асимметрии, принадлежат разным частям речи.

Заметим также, что существуют целые семантические группы, образованные одной парой межчастеречных антонимов. Так, одним из частотных в английских фразеологизмах является противопоставление интеллектуальных оценок «умный» — «глупый». Компоненты фразеологизмов с соответствующей семантикой выражаются как словами одной части речи (*penny wise and pound foolish*), так и межчастеречными антонимами (*the fool doth think he is wise, but the wise man knows himself to be a fool; fools make feasts and wise men eat them; fools cut their fingers, but wise men cut their thumbs; a fool may throw a stone into a well which a hundred wise men cannot pull out; a fool may ask more questions in an hour, than a wise man can answer in seven years* и т. д.). В данной группе фразеологизмов используются лексемы «*a fool*» и «*wise*», и асимметрия выражается семами «субстанция» — «признак». Данный тип противопоставлений является одним из наиболее распространенных в межчастеречной антонимии.

Анализ словарных дефиниций данных лексем показывает, что при толковании значения существительного «*a fool*» используется однокоренное прилагательное «*foolish*» и его синонимы «*silly*», «*stupid*», а прилагательные «*wise*» и «*foolish*» являются между собой антонимами. Исследователи межчастеречной антонимии утверждают, что именно корни слов представляют смыслонесущие компоненты их значений, через которые выражается противоположность явлений, процессов, предметов окружающей действительности. Это обстоятельство дает им возможность полагать, что антонимичность возникает благодаря противоположности значений корней слов и не зависит от их грамматической формы.

Исходя из вышесказанного, мы также считаем, что в приведенных нами примерах мы имеем дело с грамматической асимметрией в межчастеречных антонимических оппозициях, т. е. лексическое значение прилагательного «*wise*» антонимично не

только лексическому значению прилагательного «*foolish*», но и лексическому значению производящего существительного «*a fool*».

В заключение также отметим, что рассмотрение межчастеречных антонимов представляет особый интерес в силу малой изученности антонимии данного типа.

### Примечание

1. Миллер Е. Н. Антонимы разных частей речи // РЯШ. 1987. № 5.

© Д. Р. Шарафутдинов  
г. Екатеринбург

## ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Продуктивная речевая деятельность — речевая деятельность говорящего/пишущего — ориентирована на продукцию (производство) единиц различных уровней системы языка. Речь идет о таких единицах, к которым в принципе применима идея продукции — о производном слове, словосочетании, предложении, тексте.

Одни из генеральных проблем продуктивной речевой деятельности — проблемы лексического наполнения высказывания и образования тех грамматических форм лексических единиц, которые задаются синтаксическими позициями структурной модели предложения.

Лексическое наполнение высказывания может быть осуществлено лексикографическим или грамматическим способами. Лексикографический способ предполагает использование непродуцированных и производных лексических единиц, содержащихся в лексикографических источниках. По сути дела, речь идет о выучивании всего фонда общеупотребительных слов.

Грамматический способ предусматривает возможность синтетизирования производных лексических единиц (словообразовательный синтез), а также их грамматических форм (морфологический синтез), по определенным правилам (алгоритмам). Продукценту речи предлагается выучивать не все общеупотребительные слова, а лишь те из них, которые являются непродуцированными.

ми либо по тем или иным причинам не поддаются синтезированию. В рамках речевой деятельности на русском языке словообразовательный синтез на фоне синтеза морфологического сопряжен с серьезными трудностями. Словоизменительные (морфологические) парадигмы, строящиеся на формальном основании, гораздо более регулярны, нежели парадигмы словообразовательные, базирующиеся на семантическом основании — на семантических различиях между производящими и производными. Принципиально различная степень регулярности образования дериватов, проблема выбора дериваторов, специфика сопровождающих деривацию морфонологических преобразований и другие факторы обуславливают многочисленные (в том числе часто принципиально неразрешимые) проблемы синтеза лексических единиц. Алгоритмы словообразовательного синтеза могут быть перегружены разнообразными списками единиц, «фильтрами». В связи с этим синтетический подход применим в русской морфологии в большей степени, чем в русском словообразовании. В сфере словообразования обсуждаемый подход достаточно эффективен в отношении наиболее регулярных и продуктивных словообразовательных типов. В идеале словообразовательный блок продуктивной грамматики должен комбинировать грамматический и лексикографический способы решения проблемы, т. е. включать алгоритмы, содержащие как деривационно-синтетический, так и лексикографический, «списочный» компоненты.

© А. И. Шилоносов

*г. Екатеринбург*

## **ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЕДИНИЦ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Электронная коммуникация (ЭК) — информационно-социальная коммуникация, осуществляемая посредством электронной, цифровой среды. Результат процесса такой коммуникации — это особый вид текста, представление устной речи в письменной форме.



Как правило, говоря об ЭК, мы подразумеваем электронный диалог (ЭД). И хотя ничто не препятствует использованию литературного языка в рамках ЭД, в подавляющем большинстве случаев ЭД имитирует процесс живой устной разговорной речи, а именно речь молодежи.

В таких текстах встречаются не только перешедшие сюда массивы разговорной речи (сленг, элементы общеразговорных единиц, бранной лексики, просторечия...) и лексика, рожденная самим феноменом ЭД (так называемый интернет-жаргон), но и уникальные образования (непроизносимые сокращения и сочетания, визуально значимые слова со смешанной латиницей и кириллицей).

Единицы молодежного сленга стали предметом лексикографического описания еще в 90-е гг. XX в. Но до сих пор нет четких критериев отбора таких единиц или внятных параметров их лексикографической обработки в словарях. Совсем не привлекаются данные интернет-текстов, даже в виде дополнительного источника.

Отсутствие обоснованной системы критериев отбора языкового материала характерно и для словарей интернет-жаргона. Такие словари распространены в самом Интернете, по большей части они носят ненаучный, познавательный характер, нередко составлены любителями и направлены на «ликвидацию безграмотности» начинающих пользователей глобальной сети. Часто в таких словарях англицизмы (*домен, контент*) соседствуют с дословными переводами (*домашняя страница, электронный адрес*) и сокращениями (*личка*), а сетевой жаргон смешивается с околокомпьютерной терминологией, с профессиональным жаргоном программистов и жаргоном поклонников компьютерных игр.

Отсутствие параметров описания сказывается на структуре словарной статьи.

Пока не проведена грамотная классификация лексики ЭД, затруднительно проводить поиск и анализ уникальных образований, присущих только данному виду текста.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «СТАНОВЛЕНИЕ  
ВНЕШНЕГО ПРИЗНАКА ЖИВОТНОГО»  
(на примере русского и немецкого языков)**

Лексико-семантический комплекс глагольной лексики «Становление внешнего признака животного» был выделен на основе «Толкового идеографического словаря русских глаголов» (ТИСРГ) под общей редакцией Л. Г. Бабенко [1].

К лексико-семантической группе «Становление внешнего признака животного» в русском языке было отнесено 25 глаголов: *взбешаться, вздыбиться, взростеть, гложуть, дряхлеть, жиреть, круглеть, линять, лосниться, лысеть, ощериться, опериться, ошестиниться, перепериваться, полнеть, раздаваться, сидеть, слепнуть, стареть, толстеть, топорщиться, тощать, тучнеть, хохлиться/нахохливаться, хрометь, худеть*.

К лексико-семантической группе «Становление внешнего признака животного» в немецком языке было отнесено 12 глаголов и 16 глагольных выражений: *abmagern, mager werden; abnehmen* (терять в весе, худеть, тощать), *altern, alt werden* (стареть, о птицах), *sich aufplustern/ Die Federn sträuben* (хохлиться/нахохливаться), *sich befiedern* (опериться), *dicker werden; zunehmen, in die Breite gehen* (полнеть/толстеть/раздаваться), *erblinden, blind werden* (слепнуть), *ergrauen, grau [weiß] werden, graue Haare bekommen* (седеть), *erwachsen werden/auswachsen/heranwachsen* (расти, взростеть/вырастать, о детях, детенышах животных), *Fett ansetzen, fett werden; dick werden* (жиреть/тучнеть), *haaren* (о животных); *mausern, federn* (о птицах); *sich häuten, die Haut abwerfen* (линять, о пресмыкающихся), *kahl werden* (лысеть), *fletschen, die Zähne blecken* (ощериться), *steigen* (ди Pferde) (лошади встают на дыбы), *sträuben* (топорщиться), *das Haar [das Fell] sträuben* (ошестиниться), *taub werden* (глохнуть). Всего 27 лексических единиц.

Типовая семантика в русском и немецком языках: приобретать (приобрести) какие-л. внешние признаки (черты лица, фигуры и т. п.), становиться (стать) каким-л. по этим признакам (о живом существе) (по ТИСРГ). Базовый глагол: *werden* (становиться /стать).

Семантический комплекс глаголов ЛСГ «Становление внешнего признака животного» в русском и немецком языке представляется следующим набором семантических компонентов: (КЛС внешний признак + ДС1 субъект действия) + ДС2 способ проявления, ДС3 причина.

Сравнивая ЛСГ глаголов «Становление внешнего признака животного» в русском и немецком языках, можно сделать следующие выводы:

Группа немецких глаголов малочисленнее, чем в русском языке. В ней представлены в большей степени глагольные выражения.

В немецком языке применительно к животному не используются глаголы: *дряхлеть, круглеть, лосниться, перепериться, взерошиться, вздыбиться, хрометь*.

На основании анализа семных структур лексико-семантических вариантов (ЛСВ), входящих в данную ЛСГ в двух языках, и семантических комплексов минимальных подпарадигм (термин Э. В. Кузнецовой), т. е. синонимических рядов, нами был выявлен семантический комплекс глаголов ЛСГ «Становление внешнего признака животного» в русском и немецком языках.

Семантические комплексы в русском и немецком языках совпадают, но различаются последовательностью, т. е. частотностью ДС. В немецком языке ДС причины выявлена только у 3 глаголов, в то время как в русском языке она выделена у 15 глаголов, причем она всегда (исключая глаголы *круглеть, раздаваться, толстеть, вздыбиться/встать на дыбы, подняться на дыбы*, где ее можно восстановить, опираясь на экстралингвистические данные) сочетается с ДС3 «способ проявления».

Трем глаголам в немецком языке соответствует по одному глаголу в русском языке: *sträuben* — *монорщить*, *sich befiedern* — *опериться*, *sich aufplustern* — *хохлиться/нахохливаться*.

Шести глаголам в русском языке соответствует несколько глагольных эквивалентов в немецком: *лынять* — *haaren, mausern, federn, sich häuten*; *седеть* — *ergrauen, grau [weiß] werden, graue Haare bekommen*; *слепнуть* — *blind werden, erblinden*; *старееть* — *altern, alt werden*; *хохлиться/нахохливаться* — *sich aufplustern* (разг.), *die Feder stäuben* (о птицах); *ощериться* — *fletschen, die Zähne blecken*. Следует указать, что немецкие эквиваленты представлены глаголом и альтернативным глагольным сочетанием.

В двух случаях синонимическому ряду глаголов одного языка соответствует синонимический ряд глаголов другого языка: *Fett ansetzen, fett werden; dick werden, dicker werden; zunehmen* — *жиреть, тучнеть, полнеть, толстеть*; *abmagern, mager werden, abnehmen* — *терять в весе, худеть, тощать*.

### Примечание

1. Толковый идеографический словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

© Е. А. Шушмарченко  
г. Екатеринбург

### АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Интенсивное развитие отечественной когнитивной лингвистики в последние десятилетия акцентировало внимание на языке как средстве организации, обработки и передачи информации. Ключевым понятием когнитивной лингвистики является концепт. Под концептом мы понимаем основную ментальную единицу, обладающую сложной многослойной структурой, вербально отражающую квант знания о реалиях действительности и имеющую культурологическую значимость.

Для анализа мы выбрали концепт «одиночество». Эту категорию рассматривают в разных областях знания: в психологии, философии, социологии, медицине. Материалом для исследования послужили различные лексикографические источники, тексты рассказов Рэя Брэдбери на английском языке и их переводы на русский язык.

Был проведен анализ словарных дефиниций ключевой лексики, анализ ее синонимов и некоторых устойчивых выражений. Анализ лексикографических источников, фиксирующих слова — репрезентанты концепта «одиночество», позволил выявить основные характеристики и некоторые отличия исследуемого концепта в английском и русском языках. Сочетание различных методик при анализе лексических репрезентаций концепта позволило более четко выявить национальную специфику

для каждого языка (английского и русского), найти сходство и различия в репрезентациях концепта.

В ходе исследования мы сравнили концепт «одиночество» в русском и английском языках и пришли к выводу о том, что смысловые зоны концепта в двух языках совпадают не полностью. В репрезентациях концепта «одиночество» как в английском, так и в русском языках участвуют, помимо основных номинаций, косвенные номинации. Значение одиночества поддерживается контекстными партнерами, усиливающими смысл высказывания и делающими его более эмоциональным.

В целом проведенное в ходе данной работы исследование позволяет нам определить концепт «одиночество» следующим образом:

**ОДИНОЧЕСТВО** — это такое состояние человека, когда он находится где-либо без других, в отдельности от других. **ОДИНОЧЕСТВО** также такое состояние человека, когда он ощущает себя чужим, ничем не связанным с окружающими его людьми, не понятым ими или же оторванным от того, кого он любит. Такое состояние сопряжено с чувством сильной тоски, потерянности, покинутости, собственной бесполезности, ненужности и т. п. и может являться причиной отсутствия внутренней близости, понимания, поддержки или внимания со стороны окружающих. Одиночество в сознании людей ассоциируется с темнотой, тишиной и пустотой.

При этом мы можем утверждать, что одиночество воспринимается *двояко*. С одной стороны, одиночество представляется как нечто страшное, оставляющее человека без общения, т. е. без какой-либо связи с окружающим его миром действительности. Может являться следствием каких-либо обстоятельств и ассоциироваться с неизбежностью и даже смертью. Человек, находящийся в одиночестве, остро переживает это состояние и страдает от невозможности выйти из него.

Анализ текстов рассказов Рэя Брэдбери показал, что важными характеристиками одиночества являются пространство и время. Одиночество человек испытывает в нежилом помещении или на ненаселенной людьми территории. С одной стороны, пространство воспринимается как замкнутое, узкое, а с другой стороны — как бескрайнее, бесконечное. Время в восприятии субъекта занимает долгий, продолжительный период.

Следствием одиночества может быть появление воображаемого друга, собеседника либо уход в религию.

Часто окружающие оценивают одинокого человека и его состояние отрицательно. Но сам человек воспринимает одиночество как светлое чувство самосозерцания, анализа собственных мыслей, переживаний и самовыражения в творчестве, что дает человеку возможность наслаждаться окружающим его миром без потребности общения с другими людьми. Человек, находящийся в одиночестве, обычно живет один и избегает встреч с другими людьми, не хочет или не может в силу каких-либо личных причин или внешних обстоятельств общаться с окружающими.

© Ю. А. Юртаева  
г. Челябинск

### **ЭМОТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СЕМАНТИКЕ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Проблема проекции грамматических категорий на выражение смысла в связном тексте весьма значима и перспективна. Художественный текст как единица коммуникативного уровня более других языковых сфер способствует реализации грамматических категорий в функциональном аспекте. В этой связи особый интерес представляет категория определенности/неопределенности, во-первых, потому, что она особенно явно связана с семантикой [1]; во-вторых, потому, что ее функции «могут быть поняты только в перспективе всего текста» [2].

Известно, что в артиклевых языках, в частности в английском, основным средством актуализации грамматической категории определенности/неопределенности является артикль. Теория, рассматривающая артикль в рамках лингвистики текста, исходит из того, что «распределение артиклей в тексте является важным аспектом его семиологической структуры. Артикли — это сигналы, помогающие слушающему или читающему понять знаки текста и их взаимозависимость» [3]. Во многих работах последних лет демонстрируется значимость данной категории в организации и построении не только структурной, но и содер-

жательной стороны художественного текста (Емельянова 2003; Кашкин 1997; Штеллинг 1996; и др.).

В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать роль артиклей — главных выразителей категории определенности/неопределенности в передаче эмоционального содержания художественного текста.

Анализ языкового материала показал, что артиклевый механизм в рамках широкого контекста художественного произведения может способствовать выражению диктально-модальных (уровень персонажей) и модально-эмотивных (уровень авторского сознания) смыслов, «совокупность которых и составляет ядро эмотивного содержания текста» [4]. Текстовые возможности для реализации эмотивного потенциала артиклей, как определенного, так и неопределенного, достаточно многообразны. Так, в ходе проведенного исследования были выявлены следующие текстовые стратегии реализации эмотивной функции артиклей в художественном тексте: высокая частотность повтора определенного/неопределенного артикля в текстах значительной протяженности; смена артиклей в решающих пунктах повествования; стилистическое использование артиклей, основанное на «ненормативном» оформлении текстовых референтов. В качестве примера рассмотрим так называемое «неграмматическое» или «ненормативное» употребление артиклей в художественном произведении на материале рассказа Э. Хемингуэя «The End of Something»:

*«There's going to be a moon tonight», said Nick. He looked across the bay to the hills that were beginning to sharpen against the sky. Beyond the hills he knew the moon was coming up».*

Согласно правилам нормативной грамматики, имена существительные, обозначающие «уникальные» предметы или явления, должны всегда сопровождаться определенным артиклем. Чем же объяснить наличие неопределенного артикля при существительном «moon» в этом отрывке? Безусловно, речь здесь не может идти об интродуктивной функции неопределенного артикля при первом упоминании объекта, даже (ср. следующее предложение) при его повторной номинации и оформлении определенным артиклем. Нам представляется, что только текстовой анализ сюжетного содержания рассказа может вскрыть истинную семантику данного артикля. Обратимся к контексту.

Главные персонажи, Ник и Марджори, отправляются на рыбалку. Марджори весела, рада тому, что она с Ником, ведь для нее в их отношениях все по-прежнему. Однако Ник решил положить конец их давней дружбе. Он эмоционально напряжен и не знает, как ей сообщить о грядущем между ними разрыве. Столь разное душевное состояние героев показано через диалог: разговор не клеится. Однообразие ответов Ника настораживает Марджори, она спрашивает: «What's the matter?» Звучит первая за весь вечер фраза Ника: «There's going to be a moon tonight». Очевидно, это была попытка Ника начать разговор, уйти от мыслей, которые его тревожили. Поэтому не случайно здесь появляется неопределенный артикль в своей рематической функции, служащий сигналом нового состояния героя. По наблюдениям В. А. Кухаренко, герой может выражать «свои эмоции, не используя слова, называющие их, а отражать их в своем высказывании косвенно» [5]. Таким косвенным языковым знаком выступает здесь именно неопределенный артикль, который приобретает в данном контексте добавочную эмотивную функцию, актуализируя тем самым как необычность внутреннего состояния героя, так и эмотивность ситуации в целом.

Таким образом, благодаря своим функционально-семантическим особенностям, артикль в художественном тексте оказывает существенное влияние на формирование его содержания. Он не только позволяет отразить объективные свойства репрезентируемых им объектов действительности, но и их характеристики, связанные с личностью и внутренним миром персонажа, в восприятии которого представлена описываемая ситуация.

### Примечания

1. *Цивьян Т. В.* Наблюдения над категорией определенности/неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 348.

2. *Вайнрих Х.* Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 371.

3. Там же. С. 377.

4. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004. С. 204.

5. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. М., 1988. С. 155.

6. Источники: Ernest Hemingway. The Essential Hemingway. L., 1993. P. 319.



# СОДЕРЖАНИЕ

Эра Васильевна Кузнецова — основатель Уральской семантической школы .....	3
---	---

## Пленарные заседания

<i>Бабенко Л. Г.</i> Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования и перспективы развития .....	7
<i>Базылев В. Н.</i> Семантика сочинительных конструкций современного русского языка .....	12
<i>Белякова С. М.</i> Русская диалектная лексикография: специфика и проблемы .....	14
<i>Болотнова Н. С.</i> О связи теории регулятивности текста и теории речевого воздействия .....	16
<i>Гридина Т. А.</i> Взрослый в диалоге с ребенком: стратегии сотрудничества .....	20
<i>Дьячкова Н. А.</i> Модальное поле литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры: антиафоризмы .....	22
<i>Иссерс О. С.</i> Проблема недискретности мира и дискретности имен в аспекте речевого воздействия .....	24
<i>Казарин Ю. В.</i> От поэзии к языку: промежуточные единицы .....	26
<i>Коновалова Н. И.</i> Принципы лексикографического представления сакральных текстов в лингвокультурологическом словаре .....	30
<i>Кусова М. Л.</i> Репрезентация интеллекта в языковой картине мира .....	32
<i>Лопушанская С. П.</i> Смысловая доминанта языкового сознания .....	34
<i>Плотникова А. М.</i> Прототипическая модель семантики слова и способы ее словарного представления .....	37
<i>Трипольская Т. А.</i> Эмотивно-оценочный речевой акт: когнитивный и прагматический аспекты .....	39
<i>Черняк В. Д.</i> Системоцентрический vs. текстоцентрический подходы к синонимии: эволюция интерпретаций .....	41
<i>Чудинов А. П.</i> Когнитивная лингвистика: российский и американский варианты .....	44

## Секционные заседания

<i>Аболин Б. И.</i> Слово «терпимость» как базовый идентификатор концепта «толерантность» в русском языке (по материалам словарных трактовок) .....	46
---	----

<i>Аверкиева М. С.</i> Идеографические аспекты речевого этикета.....	48
<i>Баранчеева Е. И.</i> Интерпретационный механизм метафоры (на материале метафор, образованных от ЛСГ глаголов «обра- ботки») .....	51
<i>Бугрова Е. Д.</i> Экспрессивные синтаксические конструкции в тек- стах аннотаций к переводной фантастике 1970–2000-х гг. ....	53
<i>Васильев В. П.</i> Лексическая категория как объект областного ког- нитивно-идеографического словаря .....	55
<i>Воронина Т. М.</i> Особенности синонимии в сфере речевой деятель- ности (на примере группы «Характеристики речи человека») ...	58
<i>Горчакова И. А.</i> Роман Ингрид Нолль «Мертвый петух» («Der Hahn ist tot») и его перевод на русский язык: сопоставительный ана- лиз немецких и русских фразеологизмов.....	61
<i>Гузикова В. В.</i> О своеобразии фразеологической синонимии (на материале фразеологических единиц английского языка) .....	62
<i>Гуляева Г. Е.</i> Концепт «Звезды»: историко-культурный контекст (на материале текстов К. Кинчева) .....	65
<i>Дудорова М. В.</i> Акустическое восприятие пространственного об- раза «Поезд» в поэзии И. Анненского .....	68
<i>Дунев А. И.</i> Лексикографическая интерпретация грамматической правильности сложноподчиненных конструкций в современ- ном русском языке .....	71
<i>Казачихина И. А.</i> Лексикографическая интерпретация коммуника- тивов: лингводидактический аспект .....	74
<i>Коурова О. И.</i> Традиционно-поэтическая лексика и фразеология как романтическая концептосфера .....	76
<i>Ларионова А. Ю.</i> О дискурсивной специфике студенческого социо- творчества (на материале вторичных текстов) .....	79
<i>Лещева А. Н.</i> Неопределенность как имманентное свойство поэти- ческого текста .....	82
<i>Луговая Е. А.</i> Семантический потенциал топонимикона виртуального пространства (на материале эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Власте- лин Колея») .....	85
<i>Мандрикова Г. М.</i> Проблемы когнитивной интерпретации агони- мов .....	87
<i>Мехралиева О. Г.</i> Особенности функционирования лексики цвета в рассказах Н. А. Тэффи .....	90
<i>Морозов Д. О.</i> Оказиональные глаголы А. А. Вознесенского, со- державшие префиксоид .....	92
<i>Морозова И. П.</i> Приемы речевого воздействия в современной по- литической речи (на материале посланий Президента Феде- ральному собранию РФ) .....	95

<i>Мухин М. Ю.</i> Частотная лексика в тексте (слова, объединяющие разных авторов) .....	97
<i>Мухина И. К.</i> Когнитивно-пропозициональная структура концептосферы «Гостеприимство» (на материале русских народных сказок) .....	99
<i>Омельченко С. Р.</i> Интерпретационный подход к семантико-смысловой организации слова .....	102
<i>Передриенко Т. Ю.</i> Проблемы перевода рекламного слогана .....	105
<i>Попова В. Б.</i> О семантике наречий времени в чешском и русском языках .....	107
<i>Слаутина М. В.</i> «Человек религиозный» в русской синонимической картине мира .....	109
<i>Соколова С. В.</i> О шкале причинно-целевых значений в современном русском языке: семантика вторичных лексикализованных местоименных слов .....	112
<i>Сухих М. П.</i> Неологизмы как основа поэтического языка авангарда (на материале поэзии В. Хлебникова и Д. Ревякина) .....	115
<i>Царегородцева Н. В.</i> Проблемы межчастеречных антонимов и их использование в английской фразеологии .....	117
<i>Шарафутдинов Д. Р.</i> Лексикографический и грамматический способы обеспечения продуктивной речевой деятельности .....	119
<i>Шилоносов А. И.</i> Проблемы лексикографического описания единиц электронной коммуникации .....	120
<i>Ширтужева Н. В.</i> Лексико-семантический комплекс «Становление внешнего признака животного» (на примере русского и немецкого языков) .....	122
<i>Шушмарченко Е. А.</i> Анализ концепта «одиночество» в английском и русском языках .....	124
<i>Юртаева Ю. А.</i> Эмотивность художественного текста в семантике категории определенности/неопределенности. ....	126

*Научное издание*

## XVI Кузнецовские чтения

### **Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков**

Тезисы докладов и сообщений  
Всероссийской научной конференции,  
посвященной 80-летию Э. В. Кузнецовой  
8–9 ноября 2007 г., Екатеринбург, Россия

Редактор *Н. В. Чапаева*  
Верстка *Л. А. Хухаревой*  
Ответственная за выпуск *М. В. Дудорова*

Подписано в печать 24.10.2007. Формат 84 × 108/32.  
Уч.-изд. л. 6,5. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.  
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ. **906**

Издательство Уральского университета  
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»  
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4